

Василий ПЕСКОВ

*С уважением,
Василий
Юбер*

ПРОГУЛКИ ПО ОПУШКЕ

ПОДНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 22. Прогулки по опушке**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 22. Прогулки по опушке / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-905-8

В 22-м томе собрания сочинений журналиста «Комсомольской правды» и легендарного ведущего рубрики «Окно в природу» Василия Михайловича Пескова читатели смогут не только традиционно навестить Агафью Лыкову в таежном тупике, но и отправятся в путешествие по Африке.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-905-8

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	6
2002	8
Чудеса на воде	8
Поиски лидера	11
У Дона	15
Пустельга	23
Калитвянский паром	27
Селение на костях мамонтов	31
Бунинские места	35
Красивая Меча	43
Муравский шлях	47
Северяне	52
Коза-дереза	55
2003	59
Сейчас они спят	62
Сонька-болтуня	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 22. Прогулки по опушке

2002-2005

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Природа еще умеет самовосстанавливаться. Только мы, люди, порою сильно этому мешаем. Если относиться к ней бережно, она еще покажет нам, что удивительно красива и бесконечно интересна».

В. Песков

Предисловие

Этот том открывает довольно уникальная фотография – Василий Михайлович Песков в момент награждения его орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (это было 5 мая 2003 года). Как значилось в сообщении об этом – «за большой вклад в развитие отечественной журналистики».

Уникальность снимка в том, что Василий Михайлович орден хранил бережно, но мало кто его с этой наградой после видел. Лично я – ни разу. Даже в самые торжественные моменты в жизни редакции.

Это тоже такая черта характера: Василий Михайлович был упорный, цепкий, пробивной, но никогда – нескромный.

Кстати, это была у нег не первая высокая награда. В 1964 году он получил Ленинскую премию за книгу «Шаги по росе», собранную из его репортажей, напечатанных в «Комсомолке». Как отнесся к премии? С достоинством, но забавно.

Сам он вспоминал об этом в одном из интервью так:

«– Нормальная книжка, она мне и сейчас нравится, но совершенно ясно, что на Ленинскую премию она не тянула. Случись все лет на десять позже, будь мне не 34 года, а 44, я, пожалуй, отказался бы от награды, сказал бы, что не достоин ее. Впрочем, и тогда я всерьез не рассчитывал на победу, известие о выдвижении вообще получил в Антарктиде, куда прилетел в командировку. Однако обстоятельства так сложились, что премия досталась мне. После этого я стал жуточно знаменитым.

– В самом деле?

– Конечно. Это сейчас о Ленинской премии не вспоминают, а тогда выше награды попросту не существовало. Достаточно сказать, что в 64-м году я оказался в компании таких замечательных людей, как актер Николай Черкасов, балерина Майя Плисецкая, музыкант Мстислав Ростропович. И тут я, парень из Воронежа...

Конечно, психологически момент был для меня сложный, кое-кто теперь ждал от Пескова «Тихого Дона», никак не меньше. Я понимал, что единственное спасение – не тужиться, не надувать щеки, а постараться поскорее забыть о награде и продолжать идти избранным путем. Сразу сказал себе, что никогда в жизни не подпишусь: «Василий Песков, лауреат Ленинской премии». И действительно не подписывался. Единственный раз пришлось нарушить обет, когда мы ходатайствовали о ком-то, попавшем в беду. Уже сейчас не вспомню, но чем-то человеку нужно было помочь, вот я и пустил в ход регалии. Все, больше звание я не афишировал и медальку лауреатскую не носил.

– Но от денежной составляющей премии хотя бы отказываться не стали?

– Положенные лауреату пять тысяч рублей (большая по тем временам сумма!) я разделил на две части: половину отдал родителям, чтобы они были спокойны, как говорится, за «черный день», а вторую часть решил пропить с друзьями.

– А говорили, что вы убежденный трезвенник...

– Знаешь, за столом я пьянею даже без спиртного. Главное, чтобы компания хорошая подобралась. А в тот раз народ был что надо. В ресторан Дома журналистов набилось человек двести: вся редакция «Комсомолки» и те, кто имел к ней какое-то отношение. Признаться, я банкет запомнил плохо, перед глазами все плыло, как в дыму, только одна деталь почему-то врезалась в память: официанты, несущие ананасы с горящими внутри свечами... Словом, погуляли мы тогда хорошо.

После этого я вернулся в журналистскую борозду и продолжал тянуть ляжку, правда, желанную».

Была еще в 2013 году премия Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации «за персональный вклад в развитие средств массовой информации», но, к сожалению, уже посмертно.

Главными своими наградами он считал совсем другие. Например, то, что выиграл битву за Кологривский лес (как раз в этом томе есть об этом уникальном уголке природы его рассказ), что посчастливилось ему быть знакомым с маршалом Победы Георгием Жуковым, с первым космонавтом Юрием Гагариным, с «хозяином» пушкинского Михайловского – Семеном Гейченко, полярниками, пережившими пожар на антарктической станции «Восток», с легендарным летчиком Девятаевым, вывезшим товарищей из фашистского плена на угнанном бомбардировщике...

Наверное, в этом и была его суть. Они и остались нам в его книгах, прекрасные люди, космонавты и охотники, маршалы и рыбаки. А награда – вот она, осталась на фото.

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

2002

Чудеса на воде

Окно в природу

Правда ведь интересно: лежит человек на воде и читает газету. Где это может быть? Вижу протянутые вверх руки: «На Мертвом море!» Верно. Море такое есть. Оно расположено в Палестине (ныне территория Израиля). Точнее было бы назвать «море» озером: длина его – семьдесят шесть километров, наибольшая ширина – шестнадцать, самое глубокое место – 399 метров. Расположено озеро почти на четыреста метров ниже уровня океана. Это самая глубокая котловина земли. Людей она не очень бы интересовала, если бы не вода озера, в ней можно, как на матрасе, лежать, почитывая газету. Почему? Потому что вода до предела насыщена солью. В литре ее двести пятьдесят граммов (хлорные соединения натрия, калия, магния). Насыщенный раствор образуется от минерализации воды. В озеро впадает река Иордан, но воды ее не разбавляют озерный рассол, поскольку велико испаренье. Это все можно прочесть в энциклопедии. И на чудо природы приезжают глянуть туристы со всего света. Мечтал и я «почитать газету», лежа в легендарной воде. Но недавно, вернувшись из хакасской тайги, узнал: самолет из Абакана в Москву будет через два дня. Уйма времени – куда его деть? «А рванем-ка на Соленое озеро!» – предложили друзья. Узнав, в чем дело, я немедленно согласился.

Хакасия – страна степей. Лишь на юге, примыкая к Туве, покрыта она лесами, укрывавшими более тридцати лет староверов Лыковых. А большая часть земли в этом крае – открытая, прокаленная солнцем равнина. То и дело видишь в степи торчком стоящие плоские плиты камней. Это могилы кочевников. Могилам – тысячи лет.

Двигаясь на север в Ширинский район, вдруг начинаешь щурить глаза от блеска воды. Озера! Их много в Хакасии – до тысячи, но крупных – под сотню. Разной солености в них вода. И есть тут свое маленькое «Мертвое море», вода в нем – такой же рассол. Как и в озере Палестины.

Лежит, читает «Комсомольскую правду»...

Утром с местными краоведами едем к чудесной воде. Окрестности озера не радуют – пологие холмы без единого деревца с рыжей прошлогодней травой. Ниже холмов поблескивает вода. Песчаный пляж и приюты-вагончики свидетельствуют: летом, когда озеро прогревается, появляется море купальщиков – одни приезжают лечиться, другие, как мы, взглянуть на экзотику.

Двойник палестинского «моря» – почти что лужа: озеро не спеша обходят за два часа. Максимальная глубина – два метра. Обсыхая после купания, человек тут становится белым – покрытым порошком соли. Ее тут в разные годы (в зависимости от дождей) бывает то больше, то меньше. Максимум отмечался в 1927 году – двести девяносто семь граммов на литр. «Охлаждаемся тут пивком, а на закуску слизываем соль с девчонок, – смеется один из нашей компании. – Отмываться от соли некоторые на машинах ездят к соседнему озеру. Оно в десяти километрах. Вода обычная – с рыбами и лягушками».

В знаменитом озере насыщенность воды солью так велика, что более она раствориться не может и выпадает осадком на дно. Продвигаясь от берега в прозрачной чистой воде, чувствуешь под ногами уже не озерную (лечебную) грязь, а твердую корку соли толщиной до двадцати сантиметров. Ученые называют этот подводный «асфальт» соляным черепом.

Обычная для озер многоликая жизнь в этой соленой воде отсутствует. Приспособились, притерпелись к рассолу только красного цвета рачки размером с глаз комара. На содовых озерах в Африке подобную мелочь выщипывают из воды птицы фламинго. Тут же мы видим лишь маленьких куличков (возможно, они-то и ловят рачков) и уток огарей, прилетающих охладиться, поплавать.

Хакасское название Соленого озера – Тус (по-тюркски – «соль»). Ценность соли везде и всегда была велика. По пустыне Сахара тысячи лет верблюжьими караванами на африканские торжища привозили грязноватые плиты вареной соли, выпаренной из озерной воды.

Из Туса кочевники соль выгребали тысячи лет. При Петре Первом близ озера была основана казачья застава (селенье Форпост) для охраны добываемой соли. Сейчас «соляной череп» озера не трогают. Но еще можно в музее увидеть тяжеловесные волокуши для выгребания ценного минерала.

Недавней истории суждено было распорядиться так, что вблизи Туса кипели смертельные страсти. Потомок петровских казаков Иван Соловьев (родился в Форпосте) в конце Гражданской войны поднял тут мятеж против российской власти и доставил ей много хлопот. Отряд Соловьева, объявленный бандитским, поручили разгромить молодому красногвардейскому командиру Голикову, известному нам сегодня под именем Аркадий Гайдар. (Автор книг для детей: «Чук и Гек», «Школа», «Военная тайна», «Дальние страны».) Прекрасные книги! Их доброта и сердечность, возможно, – «искупительная молитва» Гайдара (Хайдар – «впереди едущий» по-хакасски) за все, что учинил молодой каратель тут, у Соленого озера. Владимир Солоухин, проследившая деянья Аркадия Голикова, в книге «Соленое озеро» свидетельствует: «Без суда, сам расстреливал, шашкой рубил и под лед сам трупы прятал»...

Много всего героического и ужасного помнят хакасские степи с сиреневыми холмами у горизонта, с торчком стоящим плитняком на могилах, с блеском соленых и пресных озер.

О Соленом озере в этот раз рассказать уместно потому, что в двадцатых числах июля в Хакасию съедутся ученые из пятнадцати стран – медики, биологи, гидрологи. Был конкурс, решалось: где проводить всемирную конференцию по соленым озерам – в Австралии, Хакасии, Африке? Большинство пожелало в Хакасии.

Мы опередили ученых. Походили у Соленого озера, покопались в его целебной грязи, попробовали ногами крепость «соляного черепа». А самые отчаянные в нашей компании, несмотря на то что вода еще не прогрелась, решили поплавать. Я, признаться, этого очень хотел – не терпелось увидеть: лежит человек на воде и читает газету.

• **Фото автора. 19 июля 2002 г.**

Поиски лидера

Окно в природу

Действуя без оглядки, люди на земле уже потеряли, и безвозвратно, многих животных. В лучшем случае рисунок в книжке и музейные чучела напоминают: были... Сегодня на грани исчезновения находятся сотни птиц, зверей, змей, ящериц, насекомых. Земля беднеет на глазах нынешних поколений. Осознавая трагичность потерь, люди стали тратить немало средств, усилий, изобретательности, чтобы отвести от роковой черты хотя бы то, что особенно дорого. В этом случае поучительны усилия американцев по спасению белоголовых орланов, кондоров, соколов-сапсанов и особенно журавлей.

Белый журавль во времена индейцев был в Америке птицей обычной, но охота, распашка прерий и повсеместное беспокойство быстро вели число их, как считали, к нулю.

Но в 1938 году на зимовке в Техасе вдруг обнаружили четырнадцать уцелевших птиц. Находка взволновала страну. Спасение журавлей стало в Америке символом сохранения дикой природы. За шестьдесят лет энтузиазм, всеобщая заинтересованность в деле и огромные средства дали неплохой результат. Сейчас число журавлей приблизилось к трем сотням. Из них диких, вольных – около двух сотен, остальные рассредоточены по питомникам.

Спасение белых журавлей поучительно, интересно. Об этом рассказано во множестве книг и газетных статьях, белые журавли стали постоянными героями телевидения. «Комсомольская правда» не один раз писала об этапах спасения журавлей. Мне посчастливилось побывать в питомниках, где птиц выращивали, а в Америке и в Москве я встречался с «отцом» журавлиной программы Джорджем Арчибальдом.

В работе журавлятников много интересных подробностей, оригинально решенных проблем. Для начала, чтобы получить популяцию птиц из яиц, осторожно и осмотрительно взятых у журавлей диких, надо было научиться выводить (а потом и разводить) журавлей в неволе. Затем надо было решать проблемы возвращения птиц в природу. Предположили, что это можно сделать, подкладывая яйца белых журавлей в гнезда серых. Вырастая среди них, они, мол, полетят в «серой компании» на зимовку. Полетели. Но возникла проблема новая. Запечатлев в детстве облик серых журавлей, белые только в них признавали половых партнеров. А выращенные в питомнике в качестве таковых признавали лишь человека («половое запечатленье»). Проблему в питомниках решили, одевая орнитологов-воспитателей в костюмы, напоминающие облик белого журавля. Еще проблема для выращенных в неволе: небоязнь хищников. Выпущенные в природу, они становились жертвами орлов и рысей. Пришлось завести в питомниках собак – журавли должны знать: надо быть осторожными. Всего не перечислить. Но главной оставалась проблема перелетов на зимовку. Журавли, выращенные в питомнике, просто не знали, куда лететь.

Но вот обнадеживающая новость. Канадский изобретатель, пилот и натуралист Билл Лишман научил гусей (канадских казарок) летать за его дельтапланом. Восемнадцать птиц Билл провел из Квебека (Канада) в Южную Каролину (США). А весной (о, радость!) тринадцать птиц тем же путем вернулись на родину. Эксперимент этот сделал Лишмана знаменитым и, конечно, взбудоражил всех журавлятников – «Надо немедленно попробовать!».

Попробовали. Кое на чем обожглись. Серые журавли, следуя за лидером, попадали под пропеллер моторного дельтаплана. Все же дело наладилось – моторы стали огораживать сеткой. И вот, посмотри на снимок, строй журавлей послушно следует за летательным аппаратом, управляемым человеком.

И начался бум увлечений. Кое-где о науке забыли и стали устраивать шоу (нестерпимо противное слово!) с участием гусей и журавлей (конечно, не белых). Французы три года снимали фильм сенсационных полетов, меняя пилотов и птиц.

В России тоже есть ставшие редкими белые журавли стерхи. Их тоже взялись спасать методами американцев – в Окском заповеднике уже более десяти лет работает журавлиный питомник. И существует все та же проблема: как научить выведенных в питомнике журавлей следовать на зимовку? Выпуск птиц среди журавлей, гнездящихся в тундре, в низовьях Оби, вроде бы дал обнадеживающий результат, подтвержденный радиослежением. Но захотелось попробовать и «полет с лидером» за человеком с летательным аппаратом. Такая программа дорогостоящая, и журавлятники наши рискуют уподобиться незабвенной Эллочке Щукиной из «Двенадцати стульев», разорившей мужа состязаньем в погоне за модой с американской миллионершей, избрали вариант «для бедных». На глаза попался итальянский спортсмен, не имеющий никакого отношения к охране природы, но хорошо летающий на планере и очень честолюбивый. Итальянца поселили в Мещерском лесу, и он охотно взялся «перегнать» журавлей на зимовку в Иран, правда, лишь до границы с Казахстаном. И поскольку дальше полет невозможен (визы, разрешения, деньги), решено на приграничном озере журавлей выпустить – пусть дальше ищут дорогу сами. Такой вариант обесценивает затею, но, начав ее, решили не отступать.

Задача первая: «породнить» планериста с птицами, побудить их за «крылом» бегать, а потом и летать. В переговорах с питомником мне сказали: «Михалыч, приезжай 10 августа. До этого мы, чтобы не мешать делу, журналистов не пускаем». 10 августа я приехал и увидел взлетную полосу на поляне, вытоптанную не только планеристом и «погонщиками» журавлей, но и множеством журналистов. Тут побывали уже все охотники за сенсациями – телевидение, газетчики, репортеры, фотографы. Все написали и рассказали, что журавли еще не летают, а бегают, но что обязательно полетят за итальянцем Анджело (Ангелом.)

США. Серые журавли в полете за дельтапланом. Этот впечатляющий результат достигнут тонким, продуманным воспитанием птиц, запечатлением ими с малого возраста облика пилота и его летательного аппарата.

Сам Анджело называет себя Человеком-орлом. Он показал видеосюжет о том, как вырастил орла и летал с ним рядом в воздушных потоках Северной Африки. Минут сорок мы поговорили о предстоящем странствии над Сибирью длиной в две с половиной тысячи километров. Анджело собирается вести журавлей, совершив пятнадцать посадок и взлетов. Не боится ли он Сибири? Нет, не боится и готов с нею вступить в состязанье. Но ведь он собрался лететь не на моторном аппарате, а на планере. Совпадут ли восходящие потоки с возможными местами посадок и взлетов? И захотят ли журавли лететь с ним, набирая высоту, а потом скользя в нужном направлении вниз, – они ведь не аисты, не орлы, у них горизонтальный машущий полет – цепочкой или углом. Это были неприятные вопросы для героя полета и для самих журавлятников. Они лишь сказали, что верят в полет.

Возможно в Сибири и аварийное приземление. Что будет при этом с журавлями – один вопрос, другой – что будет с Человеком-орлом, готов ли Анджело к аварийным посадкам, есть ли у него запас продовольствия и средства для выживания? Анджело сказал, что может взять в мешок под «крылом» два килограмма калорийной еды. Ну а если случится беда? Анджело ответил, что есть передатчик и его могут найти вертолеты. О том, что дело это весьма дорогое, «Орел» не думает, над этим ломают головы журавлятники, надеющиеся на какой-то вертолет с Ямала и, конечно, на порядке уставшее от специфических дел МЧС.

В заключение разговора Анджело признался, что скучает в русских лесах по спагетти и по красному вину, но делает записи для будущей книги и ему не так важно, если полет будет прерван в самом начале.

И наступил момент демонстрации достижений. Я сказал, что приехал посмотреть, как лидер летает и как следуют за ним журавли. Анджело, потряхивая кудрями и сверкая рекламными нашивками на одежде, вышел «пошупать» ладонью ветер и сказал, что он отменно хорош. Но, сходя к журавлиным вольерам, Анджело неожиданно заявил, что лететь не может: «Боюсь турбулентных потоков вот от этого дерева». Слушая разглагольствования, рассчитанные на простаков, я не стал спрашивать, что думает Анджело о турбулентных потоках, ожидающих его не на обжитой площадке, а на пути в две с половиной тысячи километров.

Как и всем журналистам, мне показали пробег Анджело под крылом планера и журавлей, не хотевших не только летать, но и бежать за лидером. Пришлось итальянцу, облачившись в белый балахон (имитация облика журавля), подманивать птиц едою. Закусив, рыжие журавлята отошли и не обращали внимания на пробеги их лидера. Пришлось молодым ребятам, работникам питомника (тоже в балахонах), размахивая руками, стимулировать бег за летательным аппаратом. Снимать все это было неинтересно.

Позднее я спросил у друзей-журавлятников: отчего Анджело не захотел полететь? «Он почувствовал в вас человека серьезного, понимающего суть дела и испугался, что называется, ударить в грязь лицом». Короче, и Анджело, и журавлятники знали, что журавли еще не летают. Между тем для отбытия с журавлями к месту их старта в низовья Оби осталось четыре дня. Из журавлей нескольких «отчислили» по болезни. И не ясно было, сколько их предположительно поведет за собою Человек-орел, откровенно называющий себя спортсменом с авантюрным характером.

А не проще ли выпустить журавлей у границ Казахстана или даже Ирана, где предположительно они могут зимовать? «Но ведь надо нарабатывать технологию...» – был ответ.

Вот такие дела с нашумевшим странствием журавлей. Подождем результатов. Я давно слежу за очень хрупкой программой спасения стерхов и очень хотел бы ошибиться, но, по-

моему, затея эта, подготовленная «комом», на скорую руку, способна программу лишь скомпрометировать.

- **Фото из архива В. Пескова. 23 августа 2002 г.**

У Дона

Окно в природу

В жарком июле

Угораздило нас оказаться в пекле июля на Среднем Дону. Пожаловали ловить рыбу. Два партнера моих – завзятые удильщики – привезли снастей воз и маленькую тележку (буквально прицеп к машине). Опустим перечисление предметов кочевого быта от палаток до сковородки. Главное – снасти. Все сверкало лаком и никелем, все было проверено в деле: крючки, катушки лесок, блесны, садки для рыбы. Я, презренный плотвичник, робел, глядя на это богатство. Но в дороге два друга моих, размышляя о сомах, сазанах, судаках, спохватились: а куда же будем рыбу девать? Это был очень серьезный пробел в стратегии маленькой экспедиции. Решили: станем одаривать рыбой тех, кого встретим на берегу. Я тоже решил: возьмут и плотву. И вот первое утро на берегу тихо текущей реки. Я, конечно, с дороги проспал, продрал глаза, когда два Мастера в резиновых сапогах, как в ботфортах, возвращались с уловом. Что же поймали? Полтора десятка, правда, крупной, в полторы ладони, плотвы. Я, разглядывая улов, причитал: «О, презренная Мастерами ужения рыбка, спасибо, что не оставила нас без завтрака!» Мастера посмеивались, но были озадачены. Начался обычный разговор об особенностях водоемов, о вкусовых привычках рыбы, о везении, наконец. Но осторожная разведка – а как у соседей – показала: не ловится у всех. Жарко! Рыба искала спасенья у донных холодных ключей и, похоже, совсем не кормилась.

Между тем мальчишка, ехавший мимо нашей стоянки на велосипеде, показал двух стерлядок и с полведерка нестыдной добычи. И все это поймано было снастью, намотанной на палку.

Атака на рыбу возобновилась. Две резиновые лодки курсировали по Дону, под кручей у лагеря на глубину были брошены закидушки. И опять – ничего! На удильщах дремали стрекозы, живцы на крючках от жары дохли. Попытка ночью прищучить рыбу на отмели бредешком принесла лишь щуренка величиной с карандаш. Мастера приуныли. Может, дело в наживке, приваде? Навестившие нас журналисты из Петропавловки и местный судья, между делом пишущий неплохие стихи, оставили много разных инструкций, полмешка жмыха и ведро манки с горохом – приваживать рыбу.

Солнце всходило и заходило. Противоположный песчаный берег реки с утра до ночи оглашался музыкой и воплями купальщиков. В два дня мы почернели, как жители берегов Конго, но рыбы не было. На уху, правда, кое-что попадалось, но чтоб одаривать рыбой – такого и не предвиделось.

Чтобы занять себя, я фотографировал лягушек, которыми Мастера пытались соблазнить сомов – им-де жара нипочем. И решил еще самолично проверить, как работает снасть, изобретенная, как считают, китайцами, возможно, тысячу лет назад. Снасть остроумно проста. На леску вместо крючка крепят пуговицу от солдатской шинели, а рядом привязывают поводок с кусочком жмыха. Сазан на дне подходит к приманке и начинает ее с аппетитом сосать. А рядом течение шевелит пуговицу. Она хлопает рыбу по жабрам, сазан решает узнать, что же это такое, и берет пуговицу в рот. Ощувив металл, наверное, с отвращением пуговицу он выбрасывает, но не изо рта, а оттопырив жаберную щеку. Дальнейшее, пожалуй, и в объяснении не нуждается. Сазан сидит на кукане.

Один из наших – реставратор из Саранска Анатолий Яковлевич Митронькин.

Мастера помогли для эксперимента снарядить снасти. Мое же дело было простым: следить, не дрогнет ли сигнальный прутик на берегу, вокруг которого обернута леска и наверху положен камешек – если леску в воде потянуло, камешек сразу же упадет.

Четыре часа просидел я возле двух прутиков с камешками на макушке. Увы, ни один не упал. Поневоле я стал отвлекаться – наблюдаю, как ходит по соседству паром, как дерутся стрекозы за право посидеть на конце удилища, настороженного на сома, как вороны собираются на сухом дереве проводить солнце. На ночь оставил снасти настороженными. Но сазаны упорно не хотели участвовать в эксперименте.

«А их тут нету», – сказал пастух, как видно, знающий толк в рыбалке. И объяснил: было много когда-то в Дону сазанов, да выловили. Чутка эта рыба ко всякого рода приманкам, вот и почти что прикончили.

Три дня промаялись мы на обрывистом берегу опущенного дубняком Дона и решили снять осаду с реки – удалиться к старице, по которой когда-то текла река и которая превратилась в тридцатикилометровую цепь озер. В иные годы рыбы в старице, как рассказали, бывает не менее, чем в Дону. Но этой весной Дон не вышел из берегов, не разлился по пойме, и старица осталась с тем, что имела. Мы махнули рукой – в тишине поживем.

Старица

Слово «старица» поэтичное, как «околица». Равнинные реки изредка во время больших половодий в каком-нибудь месте меняют русло, а берега старой части реки начинают зарастать ольхой, ветлами, тополями, непролазным кустарником, у воды – камыши, осока и тростники, по воде – телорез, лилии и кувшинки. Тихий мир, отражающий небо в зеркальных водах. Всякая жизнь льнет к старице. В прибрежных крепях легко тут укрыться лосям, кабанам, лисам, волкам, благоденствуют тут бобры, и множество разной птицы ютится возле

спокойной воды. Рыбы в старице меньше, чем в русле реки, точнее, она помельче. Добыча для рыбака главная: шуки, лини, караси, красноперки. Мы готовы довольствоваться малым, лишь бы побывать в тишине и безлюдье.

И все же поимка крупной рыбы – радость. Одному из искусных наших удильщиков нежданно-негаданно попался «душман» – так называют на Дону и на Волге помесь белого карася с карпом. Плотная, «коренастая» рыба необычайно живуча и зимует даже в грязи пересыхающих бочагов. В промежутке между Волгой и Ахтубой однажды я встретил за странным занятием трех мужиков. Стоя в резиновых сапогах в высохшем бочаге, вилами они кидали к тележке комья грязи.

– Что это за работа?

– А вот посмотрите... – К ногам мне шлепнулся ком ила, а в нем трепыхнулась рыба, и немаленькая – килограмма на полтора. «Душманы» приготовились в грязи зимовать.

К нам на крючок попавший сын карпа и карася на кукуане вел себя тихо. Но снятию чешуи запротивился, устроил в траве энергичную пляску.

В соседях у нас постоянно два лебедя. Они совершенно не боязливы, и все же это не парковые птицы. В старице они гнездятся. На каждом озере – двое. Свою территорию в периоды гнездования и выхаживания птенцов лебеди решительно защищают – одному излишне любознательному рыбаку лебедь ударом крыла переломит тут руку. Известны случаи, когда таким же образом птицы убивали лисицу, покусившуюся на гнездо.

Сейчас белые птицы неагрессивны. Подросшие птенцы при опасности забиваются в крепки, а парочка взрослых птиц скользит по глади воды спокойно. Подплываешь совсем уж близко – с шумом (хлопанье крыльев и удары лапами по воде) перелетают на соседнее озеро.

Лагерь наш расположен на поляне между кустов, в стороне от воды. В палатках ночевать душно. Спим почти голыми под звездами на спальных мешках. Одолевают комарики, но что поделаешь, кое-как спасаемся мазью. Наше появление тут обнаружила белка, по-хозяйски перешерстившая походный наш скарб. А в сумерках регулярно появляется ежик. И шуршит, шуршит в сухих травах, чего-то ищет.

На вечерние посиделки к костру приходит сторож расположенного рядом лесного питомника. Сторожит он трубы, по которым на посадки из старицы должна подаваться вода. Вода не подается, поскольку у лесхоза нет для мотора даже пяти килограммов солярки, но сторожить трубы надо, они алюминиевые, и чуть проглядел – уворуют.

Добродушного стража мы поначалу приняли за глубокого старика – ходит босым, не имеет ни единого зуба. Но оказалось, гость наш еще хоть куда и слывет в недалеком селе Казановой. Похмыкивая, без видимой похвальбы рассказывает он о своих похождениях, вызывая то хохот, то восхищенье. «А вот был еще случай...». Под сельский Декамерон и шуршанье ежика мы засыпаем.

Белые звезды старицы.

Жара невыносимая – 41! Эти песчаные места – самые жаркие на Дону. Горячий ветер из калмыцких степей испепеляющ. Тряпками висят листья на тыквах в селе. В каждом доме во сбереженье прохлады закрыты ставни. Сосновый лесок источает запах огнеопасного скипидара. Сушь такая, что прямо от спички в костре начинает гореть сук вяза толщиной в руку. В селе Гороховка, сообщают, сгорели семь домов. На пасеке мрут пчелы. Видел улья, где под каждым летком – горка зноем убитых тружениц. В селах спешно, «чтобы не испеклась», роют картошку, «мелкую, хоть ружье заряжай».

Все живое тянется к воде. Наш Казанова, ездивший в дальний угол старицы за сеном, встретил трех кабанов: «Видят меня, а из воды не выходят». Лошадь, жеребенок и сам мосластый, сгорбленный прелюбодей после дороги немедля полезли купаться. Мы купаемся весь день. Обсох – и опять в воду. Вода в заводях горячая, надо заплывать на середину старицы.

В лагере – нашествие ос. Интересуются арбузом, сгущенкой и рыбой. На уху и «жарёху», как говорит Казанова, рыбы хватает. Но не за тем ехали. Клев в целом ничтожный. Даже солнцелюбивая красноперка, живущая у самой поверхности в лопухах, куда-то

девалась. Отводим душу разговорами о рыбалке. Охотней всего сейчас Мастера вспоминают зимние ловли. Записываю рассказ о том, как один из страдальцев жары вез из Монголии огромного замороженного тайменя и как в другом месте для ухи на бригаду людей пилили двуручной пилой «бревно» замороженной нельмы.

День на воде

Мне легче других. Плотва не ловится – ну и бог с ней. Из Петропавловки приехал друг, тоже фотограф, и мы собрались обследовать старицу. Лодку дал Казанова, и мы в два весла отправились по старице, куда глаза глядят.

Хороший был день. Белые облака стадами паслись в воде. Летали стрекозы, кружил над старицей коршун, то и дело путь наш, как пули из автомата, с брызгами пересекали выводки лысух.

Очарование старице придавали кувшинки и белые лилии. Их было много. Нагнувшись, в белом, изумительно красивом цветке мы обнаруживали пчел. На суше нектар цветов выпит был солнцем, и пчелы летали к воде.

У двух водяных цветов, желтого и снежно-белого, удивительные свойства. Кувшинка на ночь погружается в воду, а лилия сжимает розетку лепестков и становится на воде незаметной. Это мы наблюдали и раньше, но вот неожиданность: небо вдруг резко нахмурилось, чуть потемнело, и в десять – пятнадцать минут цветки вдруг сжались, перестали белеть на воде. Каков механизм этой метаморфозы – изменение атмосферы или же освещенности заставляет цветок сжиматься?

В одном месте мы слышали характерное «щурканье» резвых птиц. Они роем кружились близ старого дуба. Это были красивые долгоносые щурки, не любимые пасечниками. Но знаем: близко пасеки нет. Возможно, дикие пчелы? Пролетели по топкой крепи прибрежья к одиноко стоявшему дубу и увидели в нем дупло. Пчелы из него летали на лилии за нектаром, а щурки подстерегали их на пролете.

Всюду по старице – сухие деревья. Это жертвы вездесущей грибковой «голландской болезни», губящей только вязы. На одном дереве скрытно, до последней секунды сидел орлан-белохвост. Мы поравнялись с деревом, когда он, тяжело махая широченными крыльями и показав белый хвост, полетел над водой. Редкая птица. Орланов на старице пара. Тридцать километров укутанной в прибрежную зелень воды им довольно для жизни – ловят уток, подбирают околешую рыбу.

А коршунов можно назвать тут падальщиками. Их много. День-деньской летают над старицей – не сверкнет ли снулая рыба или еще что съедобное, не брезгают съестным мусором у кострищ. Не гнушается эта птица отнять еду у других. Первоклассный рыболов скопа, встретив на пути к гнезду коршуна, предпочитает бросить рыбу и поймать новую, лишь бы от грабителя отвязаться. Скопы на старице, кажется, нет, но коршун находит кого обидеть. Повсюду на листьях в кувшинках сидят еще плохо летающие птенцы крачек. Родители носят им маленьких рыбок. В одном месте видели: мать отдала молодой крачке щуренка величинной с палец, и та сразу засемила по листьям кувшинок и скрылась. В другой раз такой же момент вместе с нами высмотрел коршун и с ловкостью акробата нырнул к воде. Мамаша-крачка немедленно бросила рыбку, боясь, что добычей охотника станет птенец.

– А что филины? – спросил я приятеля.

Девяносто два килограмма.

Этой весной тут, у Дона, мы с Александром снимали на меловой круче гнездо самой крупной нашей совы. И были озадачены. Саша видел до этого трех птенцов. Во время же

съемки их оказалось два – старший и младший. Куда делся средний – было загадкой. Теперь Саша рассказывает, что средний птенец через неделю снова в гнезде появился. Где был? Саша обшарил дно расщелины у обрыва и нашел следы столовой – перья птиц, хвост водяной полевки и обрывок заячьего уха. Родители кормили тут отпрыска. Каким образом птенец перекочевал снова в гнездо по крутому обрыву? Скорее всего, в лапах у взрослой птицы.

Дошатник наш создан для тихой воды. Нос у него тупой, как корма, но лодка движется сносно, и мы не заметили, как отмахали веслами километров пять и уперлись в перемычку к новому озеру. Тут мы поняли: дальше и нельзя было бы плыть – жажда! Мы как-то не подумали, что она может мучить и на воде – напиться из старицы было рискованно. Решили выйти на берег и, обжигая о песок ноги, стали топтаться возле дороги по пойме, ожидая машину. Слава богу, она вовремя появилась. Мы утолили жажду и получили в подарок еще бутылку воды. В разговоре выяснилось: в машине едут такие же рыболовы, как мы. Жара и бесклевье вынудили уехать. Как и везде, зашел разговор об электрических удочках, распространившихся, как эпидемия, и убивающих все живое. «Тут одних казаки приструнили...» – сказал угощавший водою парень. А Саша в лодке уже рассказал, что и тут, на старице, начали появляться эти ловцы, увозя по мешку рыбы. Казаки станицы Казанской предупредили: «Мужики, мы этого не потерпим...» Однако «электрики» явились вновь. Расправа была простой: когда, дождавшись ночи, пришлые принялись на одном из озер за обычное дело, казаки их машину облили бензином и подожгли. «С тех пор не ездят». Это случай, когда терпение у людей, что называется, лопнуло. Закон наказания за омертвление вод не работает, и люди начинают действовать по неписаному закону. Кто их осудит?

Калитвянская яма

Между тем в лагерь прибыл гонец: «Гороховский лесничий на Калитвянской яме вынул сома под сто килограммов». Мастера нашей компании подобных сомов видали, но, проиграв Дону и его старице почти что вчистую, увидели шанс отыграться сомами. И немедленно лагерь наш стал на колеса.

До села Гороховки на Дону было километров сорок, и к вечеру мы были уже в доме лесничего Николая Алексеевича Багринцева. Об этом человеке, лучшем сомятнике на Дону, в прошлом году мы писали. Но тогда сомик попался некрупный, примерно на пуд. На этот раз большого сома Николай Алексеевич поймал там же, на яме, возле парома. В войну тут была переправа. Несколько танков с нее упало. И, возможно, помимо большой глубины ямы, сомы любят ее за железо на дне, оно для них что-то вроде коряг.

В соме длиною больше двух метров оказалось девяносто два килограмма. Для фотографирования это чудовище поднимали, подтягивая веревку автомобилем. Крюнул сом на налима – наживку лакомую и долго живущую на крючке.

Надо было видеть, как засверкали глаза Мастеров. Немедленно к Дону! Николай Алексеевич знал о нашем приезде и сделал главное – наловил с сыном для наживки налимов.

И вот на заходе солнца началось священнодействие. Близко в середине Дона плывет лодочка, а в ней сомятник и один из наших. Работа простая, но требующая сноровки и аккуратности – скользкого налима надо нужным образом посадить на крючок.

Все сделано. На берег из Дона тянутся лески к прутикам с колокольцами, а концы их привязаны к кольям: сом – рыба сильная. Был случай тут, когда сом утопил ловца, неосмотрительно намотавшего прочную леску на руку.

Вечерняя тишина. Круги от сомов на воде. Головли клюют прямо у берега на кузнечиков. Но до этой ли мелочи Мастерам – сомы на прицеле.

Час проходит – колокольчики не звенят. Но сомятник нас ободряет: что-нибудь обязательно будет.

Близко к одиннадцати мы с Николаем Алексеевичем уезжаем – он смертельно устал на тушении пожаров, а я, плотвичник, только помеха при важном деле. У костра, прислушиваясь, остаются двое.

Утром мы заявляемся с безмолвным вопросом: ну как? Рыбак никогда не будет спешить с похвальбой, а тут еще и повода нет. Один сом попался, но маленький, килограммов на пять. Он сидит на кукане и, если потянуть бечеву, заявляет права на жизнь.

Снимаю ловцов с добычей. Они обращаются с рыбой небрежно, надеются еще на одну ночь. Днем Мастерам полагалось поспать. Но где там, готовится еще одна атака на Дон. Куда-то к холодным ключам отправились за налимами и целый день ловили их в норах (дело весьма непростое!) руками. И вечером широкий фронт лесок с двенадцатью налимами на крючках нацелен был на сомов. Казалось, на этот раз Дон проиграет.

Ан нет. В рыбалке много значит удача. Хорошо подготовленный натиск результатов не дал. На большого налима клюнул соменок в два килограмма. Дитё! Таких Николай Алексеевич обычно немедленно отпускает. Но сомик так заглотил наживку, что крючок пришлось вынимать из него хирургическим инструментом. На кукане добыча плавала вверх животом и годилась только на лакомство курам.

Можно сказать, с нулевым счетом проиграли мы славному Дону. Одна радость: в день отъезда (уже в августе) вдали громыхала гроза, и по мере удаления от места, где больше недели мы жили, как рыбы, выброшенные на берег, на асфальте все чаще сверкали лужи. Изнурительная жара была позади.

• **Фото автора. 30 августа, 6 сентября 2002 г.**

Пустельга

Окно в природу

Еще лет тридцать назад над любым полем, пустошью, лугом можно было увидеть птицу, повисавшую в воздухе в одной точке, распутив крылья и хвост. Это была пустельга – маленький соколог, промышляющий мышей.

В России сокола «пустельгой» нарекли будто бы соколятники – прирученная птица не хотела быть ловчим охотником, предпочитая мышей, «пустельга, пустое дело с ней заниматься».

Брем рассказ об этом, живущем по соседству с людьми, соколе начинает словами «Чрезвычайно красивая птица» и пишет о мышелове восторженно, называя его первейшим другом людей. Сокол в самом деле очень красив. Имея изящные формы, окрашен он в пепельные и красноватые тона с темными пятнами. У него гордо посаженная голова, изящные формы тела – типичный сокол.

Птица всегда была на виду у людей. С небольшой высоты обзревая землю, пустельга вдруг останавливается в воздухе головой к ветру (украинское название пустельги «боривитер») и огромными для своей величины глазами видит в травах мышей и даже кузнечиков. Сложив крылья, птица камнем падает на добычу. Если она небольшая, тут же ее съедает, если крупная – ищет укромное место для трапезы или уносит еду птенцам.

Пустельга способна застыть в одной точке.

Пустельга была широко распространена по всей Европе и Азии. Пустельгу не преследовали, видя в ней хорошего помощника сохранения зерна на полях, и пустельга людей сторонилась, но не боялась. Селится она (иногда колониями) в рощах среди равнин и

на отдельно стоящих деревьях. Не избегает построек. Повсюду в Западной Европе селится в нишах стен замков, на колокольнях и высоких домах, если они расположены близко к полям. В Кельне на лестнице знаменитого собора экскурсовод, помню, показал нам птицу, сидевшую метрах в десяти на выступах камня: «У нее там гнездо. Но она привыкла к людям и не боится». Это была пустельга, летавшая на поля даже из центра города. А лет пятнадцать назад гнездо пустельги мы снимали для передачи «В мире животных» на окраине подмосковного Зеленограда. Поднявшись на чердак многоэтажного дома, в щели между кладкою кирпича мы увидели четырех в белом пуху птенцов. Дождались и взрослой птицы. Она прилетела с лежащего рядом поля с мышью. Нас, конечно, сразу увидела, но, повременив с минуту, стала кормить птенцов, отщипывая им по кусочку мяса. Другой родитель тоже явился с кузнечиком и, обломав у него жесткие части тела, мякоть сунул птенцу. Наше присутствие на чердаке его не пугало. Старались не двигаться, и сокол проявил любопытство – слетел и сел на камеру оператора.

Когда родители улетели вновь на охоту, мы смогли как следует разглядеть малышей. Гнезда под ними практически не было – всего несколько тонких веточек. Выводя птенцов на деревьях, гнезда пустельга, как и все соколы, не строит – селится в гнездах ворон, сорок и грачей. Вороны – соседи для нее нежеланные. Сидящего на гнезде сокола беспокоить они не смеют, но могут, улучив момент, когда родители, пусть ненадолго, отлучились, воровать пустельжат.

Птенцов в гнезде может быть шесть – девять, но чаще – четыре – шесть. Они растут быстро, постоянно требуя у родителей пищу. В гнезде они возятся, иногда дерутся. Если лоток гнезда неглубок, беспокойная семейка может братца вытолкнуть из гнезда. Я наблюдал случай, когда родители докармливали птенца на земле.

Когда птенцы становятся на крыло, можно увидеть, как пустельги охотятся всей семьей. «Старики» ведут себя уверенно и привычно, а молодежь с любопытством вьется вокруг – учится, продолжая выпрашивать у кормильцев еду.

Пустельга отважится (очень редко!) напасть на зайчонка, ловит иногда птиц (чаще всего жаворонков – соседей по полю). Но это лишь эпизоды в бытие сокола. Главное – мыши! Два десятка их в день ловит парочка соколов для прокорма семьи. Легко подсчитать, сколь велика от этого польза для человека.

Прилетает пустельга в наши края рано, в апреле, когда солнце сгонит с полей снега, а улетает в конце сентября – в октябре. Зимует в Африке, залетая далеко вглубь континента. Профессор Владимир Галушин (его специализация – хищные птицы), помню, пришел в возбуждение, увидев остановившуюся, как и «дома», в одной точке над желтой саванной пустельгу: «Наша птица!»

На гнезде.

Всего в мире четырнадцать видов пустельги. Два из них полгода проводят в наших краях. Пустельга «обыкновенная», о которой мы говорим, и пустельга степная, живущая по южному краю страны. Птицы похожи, чуть разнятся питанием и образом жизни. Для степной пустельги главный объект охоты – ящерицы. А селится она в нишах береговых обрывов и на чердаках крайних к степи деревенских домов и сараев, повсюду встречая покровительство человека.

Гнездо пустельги я увидел однажды в щели полевой будки трактористов. Тут она совсем привыкла к близости людей, а птенцы не боялись их совершенно. Поймав ящерицу, парень-комбайнер скормил ее уже возмужавшим птенцам. Любопытно, что мама сидела спокойно шагах в десяти, не проявляя тревоги, и принялась за кормление малышек, как только мы отошли.

И вот тревога: пустельги повсюду стало угрожающе мало, почти не попадает на глаза. «Вот-вот «залетит» в Красную книгу», – пишут орнитологи. И это птица, бывшая всюду обычной! Правда, еще полтора столетия назад Брем в своих книгах обронил слово: «Эта безобидная птица понемногу исчезает». Но то было время, когда любого хищника охотники брали на мушку, и Брем пустельгу защищал: «Полезнейшая! Кто познакомится с ней, то и полюбит».

И вот почти катастрофа. Врагов у пустельги немного – ворона может гнездо потревожить, куница – опустошить. Но это все мелочи. Как всегда, при всей любви вред пустельге приносил человек – из-за глупого любопытства кое-кто разорял гнезда, да и постреливали. Но в последние тридцать лет по хищникам стреляют редко. В этом большая заслуга орнитологов, не устававших объяснять, сколь важную роль хищные птицы играют в природе. И вот на тебе – пустельга на глазах исчезает. Специалисты не понимают, почему. Нет видимых причин. Лет сорок назад можно было грешить на химикаты, но в Европе ДДТ (наиболее губительный из них) запрещен. У нас последние годы химикаты в сельском хозяйстве

не применяются по бедности. Болезнь? Или что случается на перелетах, зимовках? Вопросов много. Ответов нет.

Недавно молодые московские орнитологи к северу от столицы, в Талдомском районе, попробовали развесить искусственные гнездовья-ящики. В девяти из двенадцати пустельги загнездились. Это говорит о явном дефиците гнездовий. Но почему дефицита не было раньше? Почему он вдруг подкосил пустельгу за какие-то двадцать лет? Дело, видимо, не только в гнездовьях. Но в чем?

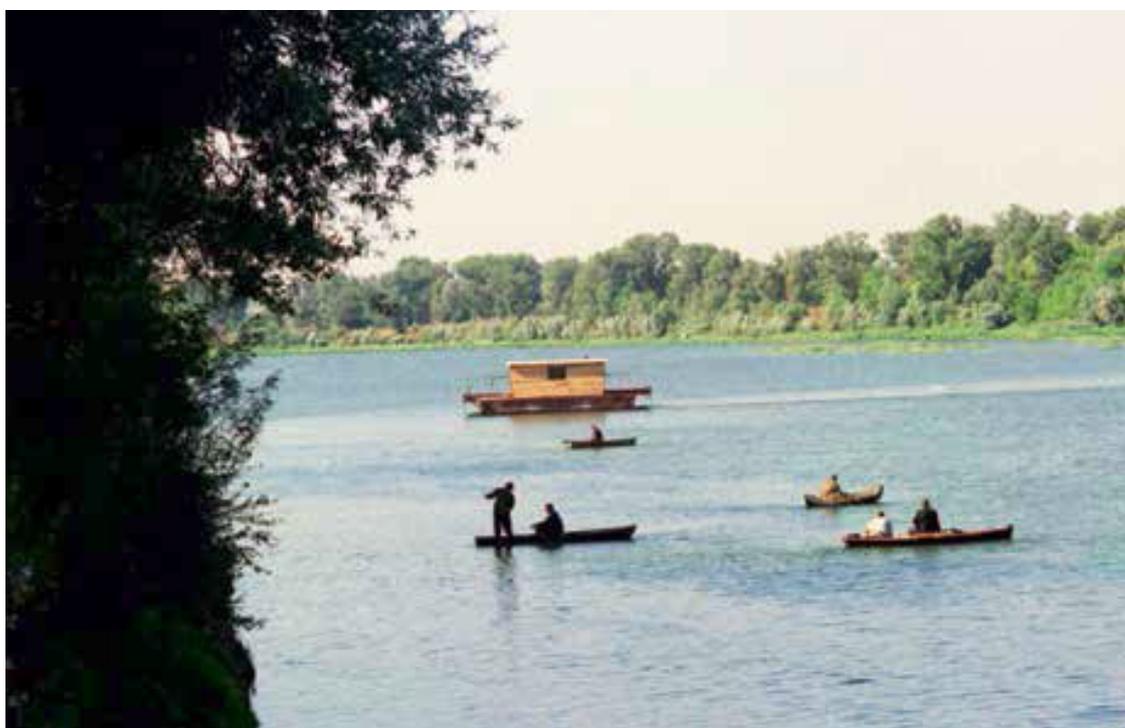
Символом текущего года Союз охраны птиц России объявил пустельгу. В Европе и Азии идут поиски причин бедственного ее положения. Помочь этому соколку можно пока что только особо бережным к нему отношением. В первую очередь не беспокоить любопытства ради птиц во время гнездовий. «Пройдите мимо!» – просят орнитологи. Прислушаемся к их советам, и тогда, может быть, чаще будем видеть над полем как бы на ниточке висящую птицу и слышать ее голосок: «Кли-кли-кли!» За этот голос латинское название пустельги – «полевой колокольчик».

• Фото из архива В. Пескова. 13 сентября 2002 г.

Калитвянский паром

Окно в природу

Через реку можно переправиться в лодке. Там, где переправляются часто, строят мосты – небольшие скрипучие или стальные клёпанные, похожие на кружева, и загадочно гудящие, когда по ним мчится поезд. Теперь строят мосты из железобетона. А там, где большие затраты неоправданны, через реки строят мосты наплавные. «Поплавки», на которых лежит настил, на зиму убирают, а когда весной вода войдет в берега, мост за короткое время снова готов. Есть места, где и такой мост дорог, но надо не просто перебраться на другой берег, а переправить и лошадь с повозкой, автомобиль. Тогда сооружают паром.

Старинное средство переправиться через Дон.

Паромы я видел разные. Через реку Красную во Вьетнаме платформу с людьми и машинами тянет притороченный сбоку катер. На Верхней Волге у деревни Сытково я видел паром старинный – плавучую деревянную плоскость с возами сена, с лесорубами и мальчишками на велосипедах. Паромщик двигал платформу, цепляясь за натянутый над рекой трос дубовым «зубом» с прорезью. Удивительно поэтичной была эта неспешная переправа (цела ли сейчас?). Ее терпеливо ждали. Ждали, когда загрузится на том берегу (холостой ход – расточительство). А когда, поскрипывая, паром шел через реку, прекращались начатые на берегу разговоры – все глядели, как струится вода, как приближается другой берег.

Паромщик всегда был фигурой уважаемой (какой-нибудь немолодой уже «Степаныч» с сигаркой). С ним, ожидая переправы, можно было перекинуться словом, а то и душевно поговорить, узнать местные новости. Паромщик и бакенщик на реке были люди романтического, всем нужного дела. Бакенщики теперь исчезли, а паромщики, там, где проселки упи-

раются в реку и продолженье имеют на другом берегу, еще сохранились. С одним недавно я познакомился.

Его посудину мы каждый день видели из рыбацкого лагеря. Постукивал в тишине негромко мотор, и поперек Дона двигалось нечто вроде аккуратной шкатулки. «Сашкин паром...» – сказал лесничий, учивший нас ловле сомов.

А как-то утром у костра появился веселый, сразу располагающий к себе человек. Когда познакомился, он сказал: «Я тут – паромщик». Все приезжие засмеялись: «В паромщики обычно идут старики». Выяснилось: сорокалетний Александр Новиков (для всех – Сашка, а для мальчишек – дядя Саша) не просто паромщик, но и владелец парома.

Слово за слово, и добродушный Александр рассказал о пути в паромщики – способе оказаться летом поближе к реке. На Дону все с рекой как-нибудь связаны, хотя бы душевно. У Сашки дед был знаменитым сомятником, отец – тракторист, отправляясь пахать, непременно прихватывал удочку. Александр вырос в объятьях реки и был в курсе всего, что бы на Дону ни случилось. По рассказам он знал: в 43-м году, во время сраженья под Курском, тут тоже вода кипела от взрывов. Следы тех боев выявляются и поныне. Недавно лесничество продало дубовые кряжи изготовителям фанеры, так те от дальнейших поставок отказались – «в древесине свинец и железо».

Вспоминает Александр, как перед весной 1997 года провалились в полынью на Дону пять лосей и никак не могли выбраться. «Половина Старой Калитвы сбежали на берег – кто плачет, кто советы дает, кто спасает. Веревками, с невероятными усилиями лосей вытащили. Стояли на трясущихся ногах, сдвинуться с места не могут».

Окончил Александр в Калитве («без отрыва от Дона») десятилетку, отслужил в армии, работал после в колхозе шофером, не повезло – заболел. Две операции сделали. С шоферством пришлось расстаться. Нанялся в «сельмаг» продавцом. «На работу не жалею – кормит. Но ведь что-то и для души должно быть. Вот и задумал построить паром. Все из подручных средств: купил полбаржи, ржавевшей на берегу, поставил на этом огрызке бог знает из чего собранный двигатель, сделал над машиной кабину, канат натянул через Дон. Пойдемте, сами увидите».

Дежурным на пароме во время отлучки хозяина был оставлен мальчишка. «Они тут каждый день чирикают воробьями. Паром для них вроде как пароход. А Игорь Чумаков – вот он, герой! – со мною с вечера до утра».

Игорь показал, как запускают мотор, рассказал, какие правила надо тут соблюдать, как на паром заезжают автомобили.

Доходы паромщика пока что невелики – больше стоит в ожидании. Но паромщик не огорчается. «Наладится дело. Выгодней тут переправиться, чем делать немаленький крюк к другому парому. Да и нашим местным – выгода. Луга и, стало быть, сено – на левом берегу, лес пойменный тоже левобережный – дрова в нем стоят вдвое дешевле, чем в Калитве. Пользуются паромом охотники, удильщики, грибники. Их с Игорем мы перевозим за так». Для этого люда «Сашкин паром» как справочное бюро. Интересуются у Александра, откуда какие несут грибы, где что клевало и где что случилось – все здешние новости стекаются к переправе. «Тут и душу тебе изольют, и расскажут, где встретили кабанов, где заяц дорогу перебежал, где увидели волчий след. У реки всегда интересно. Я вот недавно с парома вижу: плывет что-то странное. Не утоп ли кто? Оказалось, огромный сом, запутавшись в чьих-то сетях, окошел, плывет по течению, а на желтом брюхе, представляете, сидит у него ворона. Все интересно! Стрекоза, озябшая, утром села погреться на двигатель, коршун патрулирует берег, ищет снулую рыбу, орлан-белохвост пролетел. Увидишь зверя или птицу какую – радость на целый день».

– Но паром ведь только до ледостава...

– К сожалению, так. Но что сделаешь, на зиму колымагу эту выну на берег, а сам до весны за прилавок. Так жить интересней, чем всегда – за прилавком.

С парома видно: на другом берегу переправы ждут старушка и мальчик. А паромщик не спешит, ему надо дожидаться автомобиля. И вот появляются малиновые «Жигули».

– Дорого берешь?

– Полсотни.

– Не много?

– А солярка почем...

Разговор почти что формальный – все нынче дорого.

Под съехавшими на паром «Жигулями» поскрипывают палубные листы железа. Шоферу, видимо, незнакома дорога дальше. Паромщик что-то чертит на кусочке картона, показывает рукой, куда надо будет свернуть и кричит:

– Игорек, запускаем!

Постукивает мотор. Крутится обернутое тросом огромное колесо. «Водяная кибитка» медленно движется к правому берегу. Бесплатным пассажиром на крыше парома сидит трясогузка.

– Весной она обязательно тут загнездится.

– Я тоже об этом думал. И радуюсь. Вон там специально нишу под крышей сделаю. Трясогузки любят такие щели.

Медленно, примерно со скоростью течения Дона, движется «привязанная» к канату кибитка парома. «Жигули» уезжают, уступая место грузовику с мешками картошки. Старуха, усевшись на скамейке, у поручней, атакует Александра вопросами:

– Санёк, маслята несут али нет?.. А из какого леса?

Мальчишка везет на левый берег щенка. Вопросов у него нет. Глядит с завистью, как ровесник его Игорёк почти хозяйствует у мотора...

Перед отъездом домой я сбегал к пристани, где на волне покачивался паром.

Это и есть паромщик Александр Новиков.

– Как дела, Александр?

– Ничего, утюжим Дон помаленьку. Сегодня утром видел, как косуля переплывала реку. Представляете, почти рядом с моим «ящиком», и не боится. Вам бы тут быть с аппаратом. И мы помахали друг другу рукой.

• **Фото автора. 27 сентября 2002 г.**

Селение на костях мамонтов

Окно в природу

В сорока километрах от Воронежа вниз по Дону есть село с экзотическим названием. Костёнки. Название не случайное. Еще в допетровское время, копая землю, тут находили огромной величины кости. Любопытный царь, когда строил в Воронеже флот, не преминул поглядеть на удивительные находки. Кое-что Петр отобрал для петербургской кунсткамеры и любил дарить «сувениры» приезжавшим на верфь иностранцам.

Любопытно, что происхождение «слоновых костей» на Дону в те не такие уж далекие времена не могли правильно истолковать. Сам царь полагал, что это, скорее всего, следы армии Александра Македонского. Но как слоны этой армии попали на Дон, было не ясно.

Лишь позже, когда повсюду стали находить «кости», начали понимать, что имеют дело с останками животных (фактически слонов), живших в разных местах и названных мамонтами.

Обилие останков древних гигантов в Костёнках объясняется тем, что тут, видимо, проходили их кочевые пути с юга на север и обратно, и тем, что место у Дона было удобным для жизни людей. Оно, это место, и ныне, и во все времена было привлекательным для житья – Дон рядом, жилища защищены от ветров склонами пологой балки, по низу ее течет (поныне!) родниковый ключ. И немаловажно: с бугров над балкой открывается волнующей красоты картина – синяя лента реки, а в пойме ее – луга, озера. Древнему человеку эта панорама, да еще со стадами животных, тоже наверняка нравилась. И люди селились тут, как показали раскопки, тысячелетиями.

Мы сидим у свежего раскопа в Костёнках с двумя археологами – петербуржцем Михаилом Васильевичем Аниковичем и воронежцем Виктором Васильевичем Поповым. Наука, которую они представляют в Костёнках, перебивается ныне с хлеба на квас. Но жизнь накрепко связана с увлекательным делом, и два энтузиаста с группой студентов каждое лето появляются тут, у Дона, и продолжают раскопки.

Нынешний вид Костёнок.

– Что же, и двадцать тысяч лет назад человек, одетый в звериные шкуры, видел эти же вот холмы, эту балку и реку?

– Да, – отвечает петербургский профессор в ковбойской шляпе, теребя растительность на лице. – Да, примерно то же самое. И пил ту же подземную воду из ручейка, что и мы.

Но кое-что в пейзаже, конечно, переменялось. Некоторые строения людей за тысячелетия засыпаны «эоловыми отложениями» (землей, принесенной ветрами), а кое-где отложениями и водных потоков. Земля у Дона была без древесной растительности – холодная травянистая равнина. Мощный ледник (толща льда достигала тысячи метров) находился в ста – ста пятидесяти километрах. Дыхание ледника чувствовалось постоянно. Животные тут были «косматыми» – мамонты, шерстистые носороги, олени, лошади, волки, песцы, лисицы. Люди тоже носили одежду из шкур и обязаны были строить жилища, хранившие их от стужи. Но было тут для людей и удобство – вечная мерзлота надежно и долго сохраняла все, что давала охота.

По раскопанным костям видно, на кого охотились люди, разумом стоявшие уже близко к современному человеку. Помимо уже перечисленных степных животных, тут обнаружены кости «донского зайца», обликом походившего на нынешнего русака, но размером с барана. Этот заяц изредка тоже становился добычей древних охотников, но, конечно, важнее было завалить мамонта – гора мяса.

Мамонты, полагают, как и слоны ныне в Африке, кочевали группами по десять – пятнадцать голов, отдельно самки с молодняком, отдельно – самцы. Охота на великанов была коллективной. Пугая огнем, мамонтов гнали к обрывам, теснили в трясину. Мясо шло в пищу, но находили в безлесном пространстве примененье и огромные кости животных. Их клали в костер, были они для древних охотников и хорошим строительным материалом.

Кости и бивни мамонтов имеет сегодня едва ли не каждый, даже самый маленький музей. Но в Костёнках скопление костей побудило образовать музей-заповедник, где видно, как кости использовались человеком.

Посредине села среди огородов и построек, покрытых шифером, высится сооруженье, напоминающее немаленький «дворец культуры». Это и есть музей – шатер, защищающий от солнца и от дождей уникальную даже для этих мест находку.

Под шатром полумрак. И с «антресолей» видишь то, что построено было, страшно сказать, двадцать тысяч лет назад! (Современная датировка углеродным методом.) К тому, что расположено в виде круга внизу, надо как следует приглядеться. Кости. Самые разные – большие и маленькие, трубчатые и лопатообразные. Гуще всего кости лежат по периметру круга. Лежат в том положении, в каком нашли их в 1956 году. Осторожно археологи выскребли лишнюю землю, скрывавшую эти останки жилища, на бумаге реконструировали постройку. Это была просторная полуземлянка, сооруженная, как оказалось, надолго. По периметру ее шел глиняный вал («стена») высотой примерно в метр. «Арматурой» в круговой стенке были кости. Много костей. Ученые подсчитали: примерно сорок мамонтов было убито и съедено, а кости пошли на постройку. Над стеною-фундаментом ставили жерди и покрывали их шкурами. Это самый рациональный характер жилья для холодного края. Им пользовались американские индейцы, и пользуются поныне северные народы.

Посредине жилища горел костер. Вокруг собиралась семья, состоявшая из стариков, мужчин-охотников, женщин и ребятишек. Фундаментальное сооруженье с «фундаментом», скорее всего, служило не одному поколенью, даже руины его производят сильное впечатление.

Рядом с жилищем – несколько углублений, где кости лежат в беспорядке. Можно гадать: это остатки содержимого «погребов» либо склады горючего для костра.

Прикрытая сверху крышей современной постройки находка – не единственная в Костёнках. Найдено и раскопано уже двадцать с лишним жилищ. Их продолжают находить целенаправленным поиском и случайно. Копал, например, погреб костёнкинский житель Иван Иванович Протопопов и наткнулся на кости. В интересах науки усадьбу колхозника подвинули в сторону, стали копать, соблюдая правила археологов, и обнаружили очередное жилище древних.

На один из раскопов ученые нас свозили, и мы увидели, как студенты, вооруженные нивелиром, лопатами, ножами, кистями, сделали разрез склона глубиной в три метра. На гладком отвесе разреза были видны ходы кротов (поразительно: иногда они тянутся на глубину более трех метров!) и наносы тысячелетий – желтоватый лёсс, крупинки мела, темные полосы чернозема.

Найденные жилища датированы разным временем – одним восемнадцать тысяч лет, другим – двадцать пять. Люди веками тянулись к этому месту Придонья.

Ледник отступил с южных своих границ примерно десять тысяч лет назад. Исчезновение вечной мерзлоты и потеплевший климат немедленно стали менять ландшафт. Повсюду появились где сплошные, где островные леса. Животные холодных степей искали привычных условий жизни и двигались следом за ледником. Этот небыстрый процесс привел их к тундре, где выжили волки, песцы, нынешние северные олени, а мамонты свой путь на Земле окончили, оставив повсюду где кости, а где и замерзшие туши.

С исчезновением зверей, надо думать, забыты были людьми и стоянки у Дона, где триста лет назад (по масштабам времени – только «вчера») образовалось село с названием Костёнки.

Разрытые кости – стоянка древнего человека.

Среди строительного материала древних людей находят археологи и предметы их быта. Ни дерево, ни кожа с тех далеких времен не могли сохраниться. Нет в находках и обычных для многих раскопок черепков – глиняной посуды у охотников за мамонтами еще

не было. Но кости хорошо сохранились. Идеально сохранился и обработанный камень. Особенно впечатляют отщепы кремния, служившие ножами, скребками, наконечниками копий. Беседуя с учеными, я затупил карандаш. Ножа – очинить его – под рукой не случилось. Виктор Васильевич Попов погромел в одной из картонных коробок и протянул мне пластинку кремния – инструмент далеких времен. Острым гребешком камня я успешно обстругал карандаш. Вот и сейчас лежит предо мною этот ножичек древности с черточками карандашного грифеля. Закрыв глаза, можно представить себе волосатого человека в накидке из шкур. Сидел он, может быть, как-то вечером у костра в древнем своем жилище и что-то делал кремниевым ножом – может, свеживал добытую у реки живность, может, ремешок какой обрезал – и, поранив нечаянно палец, обсосал с него кровь, как иногда и мы это делаем. Где прах его тела? Разнесло ветром («эолова пыль»). Вырастали на земляной этой мякоти цветы какие-нибудь или растеньица с колючими стеблями. Их жевали букашки. Прах букашек тоже унесло ветром, и он тоже чем-нибудь обернулся. Таково течение жизни. А кремниевый ножик не затупился, лежит на столе рядом с тикающими часами. Можно взять отливающий синевой камень и аккуратно обстругать карандаш. Двадцать тысячелетий лежал в земле осколок далекой жизни. От этакой толщи времени кружится голова.

• **Фото В. Пескова и из архива автора. 18 октября 2002 г.**

Бунинские места

Окно в природу

В Воронеже Бунин родился, жил близ Ельца, бывал в Ефремове, работал в Орле, и есть еще несколько деревенок, в которых прошло детство и юность писателя и о которых можно прочесть в захватывающей, почти биографической книге «Жизнь Арсеньева».

В деревеньках Бунина знают по наездам его поклонников, а Воронеж, Орел, Елец и Ефремов считают его «своим» и стараются чем только можно утвердить память о земляке.

«Поедем в бунинские места», – давно говорит мой друг, редактор журнала для детей (и не только детей) с милым названием «Муравейник». Сам он в юности, прочитав Бунина, так полюбил стихи его и удивительную «пронзительного письма» прозу, что, когда после окончания университета будущим журналистам предложили на выбор место работы и многие выбрали кто Сибирь, кто Камчатку, Николай Старченко сказал: «А я поеду в Орел». Его влекли бунинские места.

Я тоже Бунину поклоняюсь и говорил: «Ну что в деревнях! Ничего же не сохранилось...» «А природа! Вспомни Михайловское – память о Пушкине лучше всего хранит сама земля: холмы, река, луга, лес».

И вот мы едем в Ефремов, посещаем местный музей, а потом в компании нашей оказываются еще два «бунинца» – хранитель музея и директор районной библиотеки. Двум замечательным женщинам при нынешней музейно-библиотечной бедности никак не удавалось попасть в места, очень им дорогие.

День природа нам подарила погожий, солнечный, тихий. Дорога была расцвечена звенящими красками осени, синели дали, багрянцем и золотом румянились в них леса и кустарники. Пока охали-ахали, вспоминая, конечно, Бунина, оказались в Ельце. Тут Ваня Бунин учился в гимназии и жил «на хлебах» здешнего мещанина в маленьком доме, который в славном своей древностью Ельце сохранился, и в нем сегодня музей.

Все интересно в музее – портреты матери и отца Бунина, портреты братьев, сестры, вещи и обстановка теперь уже не близких времен. Как и везде в музеях, больше всего волнуют предметы, которых касалась рука чтимого человека. Их тут немного, но они есть – присланы из Франции, где Бунин более трети отведенного ему века прожил изгнанником и где его творчество, уходящее корнями к впечатлениям детства и юности, не увяло, как это случалось у многих вдали от Родины, а набрало силу. С интересом разглядываем очки, бритвенный прибор, баулы, с которыми путешествовал Бунин, листки со строчками его письма, ручку с «вечным» пером.

Дом-музей Бунина в Ельце.

Хранительницы музея посоветовали нам пройтись по Ельцу, «черты которого то и дело узнаются в написанном Буниным».

Ходить по городу интересно. Давнишняя провинциальность стала в Ельце самобытностью, город хранит много ярких черт прошлого и стоит особняком на всем пути от Москвы до Воронежа. Парит над Ельцом огромный собор, удивительным образом не пострадавший в войне. Бунин во Франции, слушая сводки с линии фронта, горестно восклицал: «Боже мой – Елец! Ведь это места глубинной России. Вот тут я жил, вот тут ходил», – говорил он, глядя на карту. Сохранилось здание гимназии, где Бунин учился и которую не окончил, сознательно прервав свое «официальное образование». Главным его университетом была деревенская жизнь.

Деревни, в которой Бунин начинал познавать мир, сегодня нет. Стоит лишь памятный столбик, означающий, что деревня была. Приглядевшись, в траве видишь остатки фундамента – белый с желтизной плиточный известняк, из которого в этих местах и поныне строят сараи, погреба, ограды дворов. Усадьба Буниных и жилой дом в ней были совсем небольшими, но для младшего сына в семье, впечатлительного Вани, это место навсегда сохранило очарование. Оглядываясь на прожитое, уже в Париже он написал: «Рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...»

Говорят, хочешь понять поэта, поезжай на его родину. Для Бунина колыбелью таланта были эти поля. «Ни гор, ни рек, ни озер, ни лесов, – только кустарники в лощинах, кое-где перелески и лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубовка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов».

Повидав мир – моря, горы, шумные города, великие памятники человеческой культуры, – Бунин понимал, как бедна колыбель таланта его. Но ведь вырос талант! И это тоже понимал нобелевский лауреат, прокручивая ленту жизни назад до маленькой деревеньки с названием Бутырки (по «Арсеньеву» Каменка). Сегодня здешний пейзаж все тот же, только не все поля пашут, и шуршат на них к осени не колосья, а будяки сорняков.

Одна из лучших повестей Бунина о вырождении дворянства – «Суходол» – написана по семейным преданиям, и место старинной усадьбы мы разыскали.

В бунинском подстепье в далекие времена проходила граница великого ледника. Уходя к северу, ледник оставил по себе много следов. Некоторые из них величественны, например, пологий распадок в земле, по которому течет речонка. Называется этот покатый каньон Ворголом. Бунин видел его эпические кручи. А мелкие суходолы, просушенные, продутые ветрами балки тоже, может быть, следы ледника.

Предки писателя жили на краю суходола. Вряд ли что-нибудь изменилось в распадке со времен разоренья усадьбы, разве что заросли мелких кустов поменяли картину. А от деревни кое-что сохранилось. Тарахтит на околице трактор, гортанно квокчет стайка индюшек (во многих дворах тут видишь этих экзотических птиц). Две старухи с худыми иконописными лицами выглянули из приземистой кирпичной избы. Знают ли Бунина? «Да, – говорят, – жил такой барин когда-то. Вот если бы не умер Петро Кузьмич, он бы точно сказал, где что тут было. А мы – молодые». Одной из «молодух» – восемьдесят два. На глазу бельмо. «Надо бы операцию...» «На какие шиши, – беззлобно откликается бабушка. – Доживу с одним глазом».

Между тем друг мой взволнован свиданием с Суходолом: «Так все и представлял! Сними, чтоб видно было сухую лощину...»

Иван Бунин.

Центром вселенной для юного Ивана Бунина стала деревня Озерки (в «Жизни Арсеньева» – Батурино), куда семья Буниных переселилась со смертью бабки (по матери). Окружающий мир был тут все тот же – поля, подходившие к порогу имения, просторное небо, колыханье хлебов, ласточки, крики перепелов. «Жизнь для семьи тут стала более справной». Старинный помещичий дом, хозяйство, сад, пруд. Но отец, живший без заботы о завтрашнем дне, прокутивший, промотавший все, что было до этого, и тут «покатился под гору». Все же дом, как вспоминает Бунин, в первые годы был полон довольствия, убывавшего, впрочем, стремительно. Это время совпало с годами «после гимназии», когда юный Иван мучительно думал о своем месте в жизни: кто я, что могу, куда идти, чем добуду свой хлеб? Он жадно впитывал все, что остро чувствовал в окружающей жизни. Тут Бунин понял, что значит в жизни людей Природа, что это не «лирические отступления», а сама жизнь – часть всего бытия человека. Сам он природу, по собственному признанию, воспринимал чутко, «как зверь». Уже во Франции написал: «Зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша

или старой книги...» Постигающий жизнь впечатлительный человек мучился от невозможности выразить словом все, в чем купалась душа. Но попытки выразить были и, видимо, что-то уже обещали, если отец, пеняя сыну за брошенную гимназию, все-таки говорил: «Кто знает, может, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?..» Вперед забежим и скажем: так и случилось, Бунин стал одним из последних классиков великой русской литературы.

Дом-музей писателя в Ефремове.

Но тогда в Озерках юная, открытая миру душа искала хотя бы тропинку к счастью, к какому-то делу в житейском море. Между мечтаниями и «пробой пера» приобщался он к деревенской трудовой жизни – косил хлеба, стоял у веялки с деревенскими девками, познал первое чувство любви и выход страсти. И впитывал, впитывал все, что могли подсказать ему загадочно молчавшие равнины подстепья.

И вот они, первые вести надежды. «Кучер, приостановившись, подал мне номер петербургского журнала, в который я, с месяц тому назад, впервые послал стихи. Я на ходу развернул его, и точно молнией ударили мне в глаза волшебные буквы моего имени».

Именье между тем приходило в полный упадок. Семья потомственных дворян обедала иногда «одной крошкой», случалось, ели только хлеб с яблоками. Бунин хорошо понимал трагизм положения семьи, но все еще крепко привязан был к дому и ко всему, что его окружало, уходя за синеющий горизонт. В последние годы жизни в Озерках он особенно много ходил и ездил верхом по полям, проводил ночи в саду, глядя в зеркало пруда, отражавшего луну и звезды. Он остро чувствовал сезонные перемены в природе – осеннюю тоску полей, лиловую знойность летнего неба, зимние снегопады, зеленый дым весеннего пробуждения леса. В это время написаны были стихи, помещенные в «толстом» журнале, – свою фамилию

Бунин увидел среди знаменитых имен России. Возможно, то были вот эти стихи, навеянные последними днями жизни в Озерках.

**«Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.
<...>
А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж – и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.
И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном монотонным
Гудит-поет в стволы ружья».**

В это время Бунин понял: «деревенские университеты» окончены, непременно, немедленно надо выбираться в большой мир, хотя бы сначала увидеть его, ведь, кроме Ельца и Ефремова, он нигде еще не был.

В Озерки приехали мы под вечер, ожидая увидеть только следы усадьбы, покинутой Буниным в 1894 году. Мы знали: ничего на месте ее сейчас нет. Но на вопрос, где и что было, женщина, гнавшая во двор индюшек (опять индюшек!), сказала: «А вон видите крышу? – и тут же спросила: – Вы строители или родня?» Помнят Озерки Бунина! И увидели мы нечто поразительно радостное. На месте, где давно уже ничего не было, кроме белых с желтизной фундаментов дома, ограды надворных построек и остатков старого сада, стоял сейчас величественный сруб, и в нем уже угадывался бунинский дом, хотя еще без дверей и рам в окнах, но с характерной высокой крышей, и у меня, признаюсь, потекли слезы. Вспомнились горестные вздохи изгнанника Бунина: «Не будут знать, не будут читать меня в России». Ах, как хотелось, чтобы Бунин был в этот час с нами и видел бы эту постройку. Читают Бунина, знают! После смерти его (1953) вышла в России сначала «рыженькая» книжица тщательно отобранных рассказов (1956), а потом несколько многотомных собраний сочинений, книги о Буине, кино. В сравнении с нынешними томами книжицы прижизненных изданий писателя кажутся сейчас сиротски тощими. И этот дом! Конечно, не реликвия, помнящая дыхание бунинской семьи, как говорят музейщики, – «новодел». А вспомним: нынешний дом в Михайловском тоже построен на пепелище. Но, разумно обжитый, он оставляет чувство подлинности, «как будто Пушкин только что вышел из него подышать воздухом к Сороти». Можно и эту постройку обжить, наполнить вещами нужного времени. А вдруг найдется что-то, к чему прикасалась бунинская рука? (Кланяюсь всем с просьбой: если это «что-то» найдется, пишите немедленно нам в газету. Все дары святому месту России помогут утвердить память о человеке, чьи деянья проникнуты любовью к Родине. Нам сказали, что дело создания музея-усадьбы в Озерках взяли в руки свои липчане. Низкий поклон им. Да сбудутся все их добрые замыслы!)

Восстанавливают усадьбу Бунина.

Более часа ходили мы около сруба, угадывали, где и что стояло в годы, когда жизнь тут была наполнена теплом и звуками, когда Бунин выводил со двора Кабардинку и с двухстволкой ехал в поля.

Память о тех временах хранит старый сад (одичавшие остатки его). Цветет весною сирень, плотной гривой стоит крапива, краснеют к осени ягоды шиповника, можно пожевать сейчас кислое яблочко с дичка, идущего от корней старой антоновки, под которой мог стоять молодой Бунин, наблюдая восход красноватой луны над прудом.

Пруд по-прежнему в тех же берегах. Так же плотно со стороны усадьбы обрамляют его не желтеющие до зимы ветлы, купаются в пруду беззаботные утки, и ходит лениво по берегу, погромыхивая цепью, белая лошадь.

Сюда и сегодня уже кое-кто приезжает. И, уверен, будет шириться, уплотняться дорожка в бунинские места всех, кто постиг волшебство бунинского стиха и дышащие поэзией его повести и рассказы.

Утвердившись в жизни и повидав мир, Бунин постоянно стремился в родные места. Они будили воспоминанья, давали пищу раздумьям. Когда усадьбы в Озерках уже не стало, Бунин останавливался в именье брата, в деревне Огневка. И тут – все те же поля, суходолы с «овчинками» кустарников.

Огневка жива и поныне, хотя и до крайности оскудела. Мы стояли на ее околице уже вечером. Утопали в сумерках синие дали, прогнали через выгон коров, уже потускнели багрянец и желтизна кленов и одиноких у выгона груш. «Вон там на бугре стоял барский дом...» – объясняла нам женщина, поставив на землю корзину яблок. «Да, да, – вторил ей мой друг из славного «Муравейника». – Сюда приезжал Иван Алексеевич уже прославленным человеком. Огневка стала прообразом знаменитой его «Деревни». Тут написан был бессмертный рассказ «Антоновские яблоки», тут заканчивал он работу над переводом «Песни о Гайавате». И «Листопад»! Он написан тоже в Огневке. Возможно, в такой же вот день видел Бунин праздник осенних красок». И мы вместе хором прочли начало лучшего в русской поэзии описания осени.

«Лес, точно терем расписной,

**Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной».**

В последний раз в родные места Бунин приехал в 1917 году, когда большая беда уже тучей накрыла Россию. Полный тревожных предчувствий, наблюдая пожары в дворянских усадьбах, Бунин с особенным чувством вглядывался во все, что было дорого в этом подстепье. Возможно, часом прощанья исторгнуты строки бессмертных стихов.

**«И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав».**

Бунин был Поэтом в широком смысле. Начиная творческий путь стихами и зная им цену. Но известен читателям он больше прозой, проникнутой острым ощущением жизни, ее красок, запахов, звуков, страстей человеческих. Завидую тем, кто Бунина еще не читал – им предстоит открытие ярких творений и человека, о котором сказано: «Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души».

• Фото В. Пескова и из архива автора. 25 октября 2002 г.

Красивая Меча

Окно в природу

В древности ее называли река Меч. Не стоит следовать путями наивной топонимики, мол, видели с бугров сверканье воды, напоминавшее боевое оружие. Река не прямо текущая, она змеится, вьется в крутых берегах. Скорее всего, «Меч» – название древнее, потерявшее ныне смысл, и потому слово обратили в «Мечу», как будто нет названий мужского рода – Дон, Днепр, Амур, Енисей. Толкование нового слова тоже наивное, дескать, мечется Меча. Ну да ладно, важно, что Меча – Красивая. Бог весть кто пустил в оборот хорошее слово. Оно сразу выделяет реку из ряда других, и уже во времена Тургенева один из героев его, Касьян, говорит: «Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь – и, господи боже мой, что это? а?.. И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга...» Можно ль, читая такое, не пожелать свиданья с рекой? И я уже который год, по дням расписывая золотые летние дни, обязательно помечал: «И Красивая Меча».

И вот добрался. На пути к Ефремову (Тульская область) мы несколько раз переезжали неширокую реку, текущую меж увалов в опушеньи кустов и приводных деревьев, текущую торопливо и буднично. С дороги она казалась скорее таинственной, чем очень красивой. И у Ефремова река, ничем особо не выделяясь, текла спокойно и как бы к городу безразличная. Градостроители прошлого дали маху, не развернув Ефремов лицом к реке (это хорошо бы его украсило). Он стоит к ней как-то бочком, не породнившись, хотя на картах видится бусинкой синей нитки, хвостик которой маячит на тульских землях, а змеится ниточка в земли липецкие, где-то близ Лебедяни встречаясь с Доном. Не широкая, со множеством перекатов, судоходной Меча никогда не была. Лодок на ней немного, и все почти деревянные. Моторную лодку, чтобы оглядеть реку в лучших ее местах, мои друзья в Ефремове привезли откуда-то на машине. Лодка, видно, так давно на реке не бывала, что у мотора, едва отчалили, потерялся винт. Растерянные, мы пытались разглядеть что-либо в прозрачной воде, но махнули рукой – поплывем без мотора. На веслах «Жестяный ящик» гнать нелегко, но мы втроем менялись каждые десять минут и дружно благословили потерянный винт – могли теперь не пролететь, а как бы пешком, неторопливо пройти по реке, любуясь всем, что позволило назвать ее Красивой Мечей.

Красивая Меча.

Плыдем. Вода чистая, никакой мути даже на быстрине. Это потому, что течет Меча в каньоне из плиточного известняка. Но видишь белые камни лишь изредка на перекатах, где течение скорое и надо кому-то, выпрыгнув в воду, протащить лодку за цепь по мелкому месту. Но тут же река разливается плёсом неизвестно какой глубины. У берега видишь кувшинки, осоку. Под ракушкой в лодке – лещатник в плаще и деревенский мальчишка с ореховым удищем. Но деревни, видимо, близкой, у воды нет – скрыта где-то наверху, за пологой стеною леса.

Берега у Мечи высокие, с шестиэтажный дом, но не обрывистые, а плавно скошенные, так же, как у текущего в этих местах Воргола. Но там пологие берега покрывают лишь травы с блестками ковыля. Они открытые, и кажется, вот-вот увидишь вверху у склона васнецовских богатых. Тут же лес как бы по ступенькам поднимается от воды ярусами – клены, березы, осины, дубы. Все сейчас в разных оттенках золота и багрянца. Завороженные тишиною заросли отражаются в водяном зеркале, и наше вёсельное путешествие кажется сказочным.

Обычно у реки один берег крутой, другой, пойменный, – низкий, а у Мечи, при ее верткости, высокие то левый берег, то правый. Кручи сменяются вдруг луговинами, а на них то дикая груша с вишневого цвета осенней листвой, то клен, полыхающий желтым огнем, то нарядный рябиновый куст. Видны погрызы бобров у воды, по воздуху то и дело реку пересекают крикливые сойки с широкими, как весла, крыльями. А на одну из полей вдруг вынырнула из подлеска и села, озадаченная появлением лодки, лиса. Мы замерли. Лисица не убегает, сидит, наблюдает – уши черные, брюхо белое и рыжий, уже не по-летнему спальный мех – как раз под цвет осени. Стоило кому-то из нас шевельнуться в жестяной лодке – неприятный звук срывает лисицу с места, и она побежала, мелькая между кустами. Егерь, передавая мне весла, заметил, что пожары минувшего лета в лесах к северу от земель тульских заставили крупного зверя – лосей, оленей, косуль – уйти сюда, в леса у Мечи. «Их стало заметно больше. То же самое было в 1972 году».

Любопытно, что жара, повсюду понизившая воду в реках на метр и более, на Мечу несколько не повлияла – уровень вод по причине обилия родников не изменился.

Каменистое ложе реки не только образует кое-где быстрики, вода тут «лижет» древний ракушечник. Она в Мечи особенная. Когда плывешь, это не замечаешь, но при впадении в Дон, рассказывают, вода цветом заметно отличается от донской...

Три часа месили мы веслами воду. В условленном месте друзья, озадаченные нашим непоявлением вовремя, съели уху и выпили, что положено выпить возле реки. Когда мы наконец появились на быстрине, раздался радостный вопль: «Живы!!!»... Горел рыженький, как все вокруг, костерок. Голодные, набросились мы на остатки ухи и, оглядевшись, ахнули – «столица» красот на Мечи была как раз тут, где нас ждали.

Забравшись наверх, мы увидели то, что хранилось в памяти тургеневского Касьяна: холмы, синие дали, а внизу, с высоты птичьего полета, открывалась исключительной красоты пойма. Широкие луга переходили в лес, а посредине вилась река. Она тут делала немыслимые изгибы. В одном месте (близ села Шилова), казалось, она на глазах описывает полный круг, и огромное поле с одиноко пасущейся лошадей похоже было на фантастический караван хлеба. А река сверху была похожа на серебряную гривну, какую древние люди украшением надевали на шею.

И дали... Понятен восторг Касьяна. В осеннем пространстве виднелись всхолмленные поля, осенью позолоченные лески, домики деревенек, церквушка, и чуть угадывался в этих просторах путь Мечи к Дону.

Каждое лето к месту, где мы стояли, как к волжскому Плёсу, приезжают художники и с ненасытной жадностью, упиваясь прелестью этих мест, изводят краски. Был среди них один местный ефремовский мастер – кроме Мечи, не желал ничего видеть. Ставил он каждое лето палатку близ этой кручи, питаясь картошкой, хлебом и молоком, которое Христа ради ему сердобольно отливали доярки. Рассказывают, когда годы художника уложили в постель и он почувствовал: дни сочтены, попросил свозить его в места заветные – проститься с Мечей.

Предки наши селились не где попало, они тоже умели ценить и удобства житья, и привлекательность места. Красивая Меча – подтверждение этому. На берегах ее обнаружено много стоянок тысячелетней давности и не таких уж древних. Одна из них – Ипатьевское городище – сохранила валы земляной крепости, и археологи то и дело возвращаются к здешним «черепкам» и к наконечникам стрел и копий. Именно с этой точки открывается самая живописная панорама поймы реки и холмы лесостепной черноземной равнины.

Южнее широтного течения Мечи было когда-то Дикое поле с воинственными кочевниками. Легендарные васнецовские богатыри – это застава на пути половцев (полевцев – степняков), а не в столь уж далекие времена Красивая Меча была границей, переход которой по бродам означал вторжение в русские земли. Вторжениям несть числа. И потому русские земли близ Дикого поля почти не имели селений – разграблялись набегами с юга. Посещали приграничные земли лишь «бродни» – люди, имевшие тут «бортные ужожаи» (места собирания дикого меда), рыбные ловы, уголья охоты на зверя. Бродячие эти добытки постоянно рисковали столкнуться с набегавшими вооруженными шайками «полевцев». А если в набеге участвовало большое число грабителей, переход Мечи означал вторжение на обжитые русские земли. Весть об этом с пограничной черты уносилась немедленно на Оку, а с нее сигнальная служба оповещала Москву: «Идут!!!»

Изгнание хищников за пограничную реку (броды через Мечу были во все времена там же, где и сейчас) означало победу. Разбитое войско Мамай с Куликова поля гнали до этой черты – в Диком поле преследовать степняков было трудно.

В погожий осенний день наблюдали мы заход солнца в заречье. Упали тени от леса в пойму Красивой Мечи. Прогнал неспешно стадо свое пастух, сгустилась синева у далекого горизонта, но все еще видно было холмы, лески, деревеньки, и опять вспомнился доброй

памяти Касьян, увековечивший себя тем, что сказал встречному человеку с ружьем и собакой: «Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм, взойдешь – и, господи боже мой, что это? а?..» Человеку часто недостает слов, чтобы выразить что-то, переполняющее сердце.

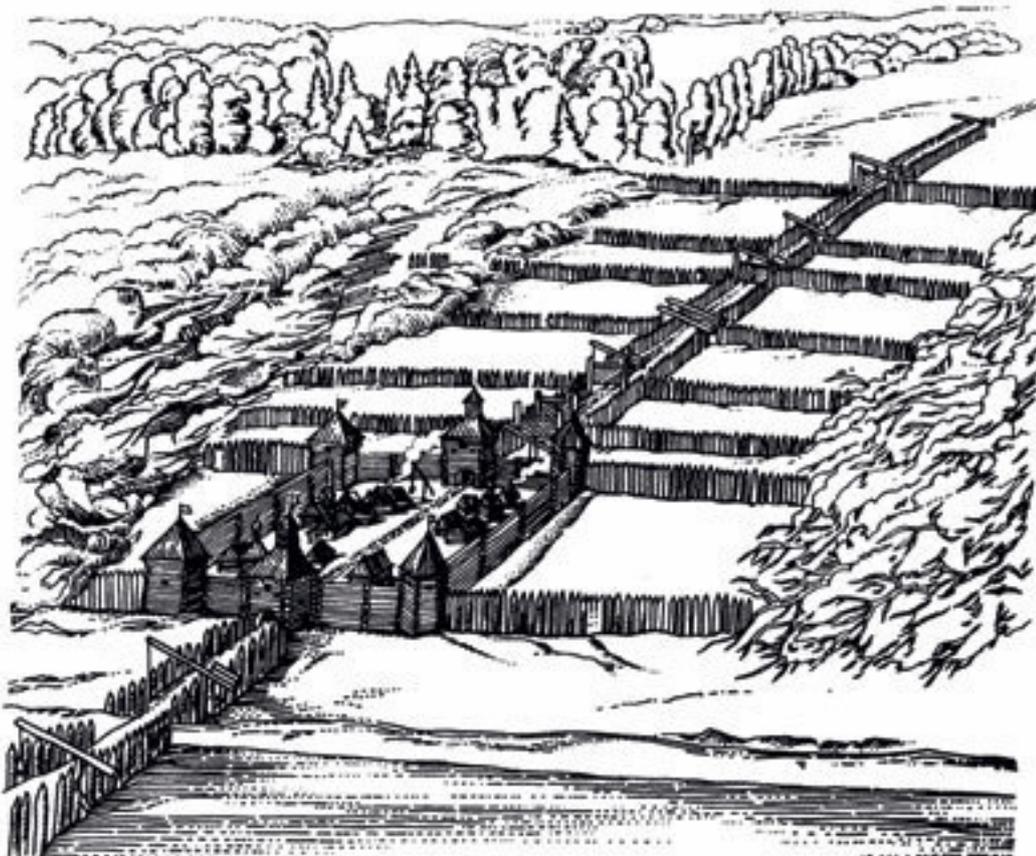
- **Фото автора. 1 ноября 2002 г.**

Муравский шлях

Окно в природу

Историю, если присмотреться, часто пишет география, точнее, пишет ее Природа. Человеческие поселения возникали, как правило, около рек. Реки были первыми, самыми легкими дорогами по земле. Сыгравшим огромную роль в истории Европы был путь «из варяг в греки» – из Скандинавии по Руси в Грецию. Пояс лесов южнее Москвы (тульские и орловские земли) был границей с Диким полем. И не просто границей, а некоей крепостной стеной, за которой укрывались жители этих мест и которая преграждала, затрудняла путь во глубину русских земель разбойничьим ордам и армии степняков – «степь леса боялась». Что касается путей по земле, их было немало. Древние, вопреки представлениям в нынешний автомобильный век, еще не имея карт, хорошо ориентировались и много по земле передвигались – исследовали, торговали, воевали и расселялись. Там, где не было водных путей и надо было двигаться, выбирали такие пути, где не встречалось водных преград. Одна из таких дорог вошла в историю. И хотя сегодня она не существует, упоминание дороги вы найдете в энциклопедиях, притом что не очень много путей в них означено. Называлась эта дорога Муравским шляхом. Много веков она соединяла юг с севером. По конному шляху в междуречье Оки и Дона перемещались сарматы и скифы, позже печенеги и половцы. Двигались шляхом до Куликова поля войско Мамая. Двигались позже по Муравскому шляху с юга на север и обратно купцы и посольские люди. А в XVI и XVII веках минувшего тысячелетия Муравский шлях был головной болью молодого русского государства.

Южная граница Московии выдвигалась тогда за Оку. Крестьянская соха только-только коснулась степных черноземов, и житье людей на границе с Диким полем было невыносимо трудным. С юга прямым путем от Крымского Перекопа до Тулы пролегла ничем не затрудненная степная дорога, названная Муравкой потому, что пролегла по траве-мураве – прекрасном корме для лошадей, на которых передвигались степью крымцы, совершая нескончаемые набеги на Русь.

Муравский шлях и сторожевые засеки. Реконструкция.

Нам интересно представить сегодня места, где шел знаменитый шлях, – утоптанная конями, но немощеная дорога, от которой ветвились в сторону сакмы – конные тропы. Дикое поле в те времена было подлинно диким. Тысячелетние ковры разнотравья, украшенные цветами, простирались во все стороны от дороги. На взгорках серебрился ковыль, в понижениях зеленели осоки и поблескивала вода к середине лета пересыхавших речек и небольших озер. Во все стороны – открытый простор. В небе парили орлы и коршуны, обычными были в те времена огромные птицы дрофы и чуткие стрепеты, паслись в степи стада сайгаков и диких лошадей тарпанов (шесть тысяч лет назад лошадь была приручена скифами в этих местах). Во множестве было лис, волков, зайцев, сурков, сусликов, перепелов, лебедей, сов. Гудели над травами шмели и пчелы. А у дороги лежали обглоданные зверьем, отбеленные ветром и солнцем кости падших коней, верблюдов и кости людей – человеческий муравейник каждое лето оставлял на шляхе зловещие знаки стычек и расправ на дороге с невольниками.

Это была большая беда для Руси. Не проходило года, чтобы конные отряды, иногда многотысячные, не ходили бы за добычей на север. То была не война, то был хорошо организованный и часто безнаказанный грабеж пограничных со степью земель. Проторенным путем, огибая истоки небольших рек, по хребту водораздела Оки и Дона двигались крымцы в направлении Тулы. Направо к реке Воронеж и налево к Оке Муравский шлях разветвлялся, от него уходили шляхи и сакмы вглубь лесостепи. И тут все пути расходились веером, по ним изгоном (быстрым набегом), россыпью по селам, по всем местам, где пытались укорениться русские хлебопашцы, бортники, охотники, рыболовы, шел беспощадный грабеж – все сжигалось, старики убивались, а молодых – матерей, отцов, ребятишек – уводили в плен тысячами для продажи на невольничьих рынках Причерноморья. Для детей, не могших идти

на аркане за всадниками, имелись специальные корзины, подвешенные к бокам лошадей. Люди были главной добычей, но уносилось все сколько-нибудь ценное «вплоть до гвоздей из строений и подков, сбитых с копыт павшей лошади».

За первые пятьдесят лет XVI века совершено сорок три (!) набега. Справиться с этой напастью было непросто – протяженной была с Диким полем граница и беспокойными, алчными были крымцы. Пытались запирали стражей перелазы (броды) на реках. Но их близ шляха было немного. Регулярное войско, выдвигаясь по тревоге за Оку из Москвы, не успевало перехватить разбойников, они стремительно покидали пограничную лесостепь и в Диком поле были неуловимы.

Пытались поладить, договориться с ханом в Крыму. Уже после Куликовской битвы (1380) и стояния на Угре (1480), уже утвердившись в Европе, Русь платила ничтожно малому Крымскому ханству позорную дань – «абы не беспокоили поганые». Но у «поганых» чесались руки. Нарушая договоренности, крымцы продолжали грабительские набеги. Вместо спальной избы можно было поставить новую, но кому ставить? Южное пограничье Руси пустело. Персидский шах Аббас Первый, принимая послов из Москвы, выразил удивление, что в государстве Руси еще сохранились люди.

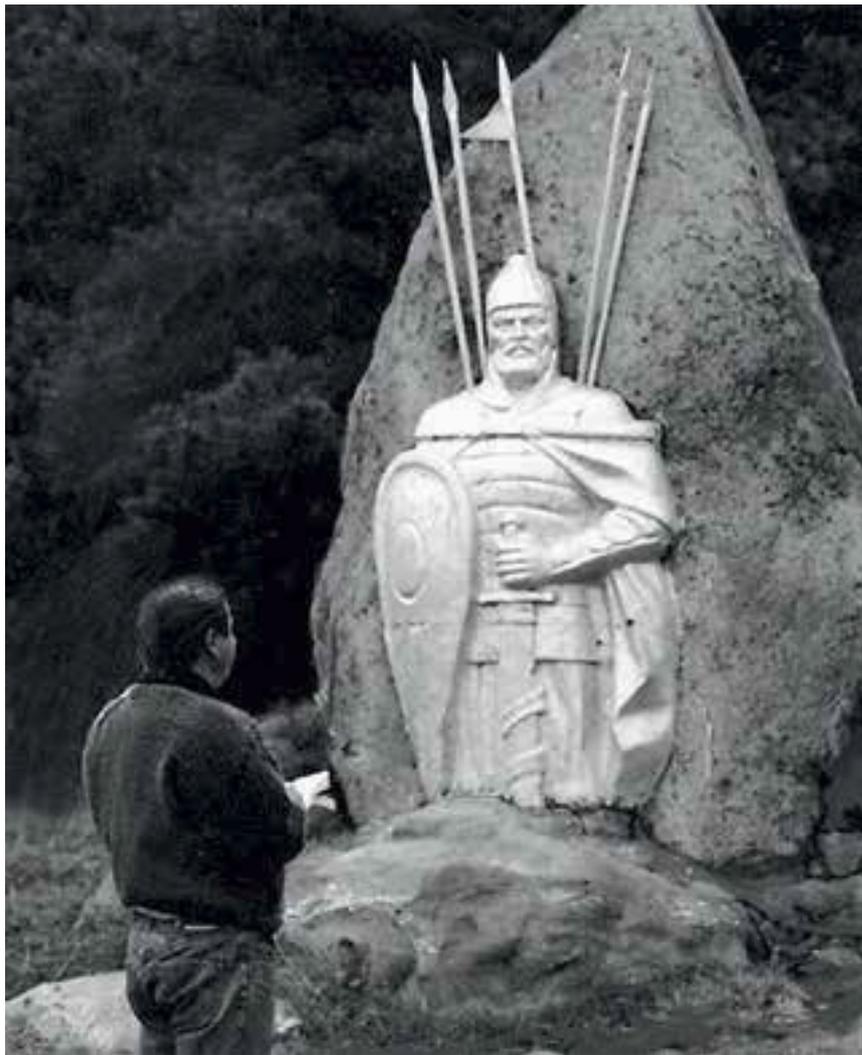
Людские потери были так велики, что в Москве для выкупа полонян в XVII веке был учрежден специальный налог – в казенную кассу лепту вносили все: и царь, и его подданные – «православные христиане». Через посредников налажено было сношение с разбойниками. За простолюдина платили 250 рублей (немалые в то время деньги!), за людей знатных платили тысячи.

С этим позором надо было как-то кончать. Походы в Крым, к «гнезду разбойников», успеха не приносили – длительный переход с обозом через Дикое поле, временами совершенно безводное, истощал войско, делал его небоеспособным. Дать же крымцам бой у своих границ не удавалось. Их тактика быстрых передвижений и отступление в поле позволяли избегать столкновений с регулярным войском Москвы. И все же одно сражение состоялось.

Недавно, проезжая к Орлу из Ефремова, на развилке дорог у селенья Судбищи остановились мы возле недавно поставленного памятника – дикий камень, и на нем рельефный силуэт русского воина в средневековых доспехах. Тут же доска с письменами, напоминавшими о событиях 1555 года.

В то лето воевода Иван Васильевич Шереметев нес сторожевую службу с казачьим отрядом на Муравском шляхе. Зайдя в тыл нагрянувшей шестидесятитысячной орде, возглавляемой ханом Давлет-Гиреем, казаки «отрубили хищникам хвост» – захватили запасной табун (тысячи лошадей и верблюдов) и взяли пленных. Отправив добычу в ближайшую крепость, воевода продолжал скрытно следовать за ордой. Важно было помешать ей рассыпаться, пройтись облавой по краю русских земель... Маневрирование было, как видно, продолжительным – Москва узнала о «большой вылазке» во главе с самим ханом и немедленно двинула войско к Туле. Крымцы это проведдали и, захватив сколько могли полонян, повернули в степь. Шереметев, шедший по пятам хана, неожиданно оказался лицом к лицу с огромным войском. Он мог бы и имел право уклониться от боя, но не уклонился. До этого крымцев не пускали в русские земли. А тут препятствие оказалось на пути, когда по шляху они хотели «утечь восвояси».

Бой при Судбищах длился с полудня до ночи. Хан отступил, но утром, поняв, что перед ним лишь горстка отважных людей, вернулся. Русский отряд не дрогнул, сам потерял многих, но и «поганых положил несчетно». Шереметев заставил хана с ордой бежать, поскольку войско Ивана Грозного, как ему донесли, вот-вот прибудет.

Памятник битве близ селенья Судбищи.

Это была первая заметная победа над крымцами. И Москва сразу перенесла места столкновений с ними уже в саму степь. Но это требовало укрепления новой границы. И она быстро, в пятнадцать лет, была обустроена, получив название «Белгородской черты». На ней искусно использовались природные препятствия для конницы, созданы были засечные линии в лесах, на открытых местах насыпаны были земляные валы, укрепили старые и построили новые города – Белгород, Оскол, Воронеж, Усмань, Тамбов. С волнением пишу – был в их числе и Орлов-городок, превратившийся позже в большое село Орлово, где я родился и вырос. Хорошо представляю, где была крепость, какую роль на Черте играла прежде заболоченная бобровая наша Усманка. А в музее города Усмани я как-то прочел наказ воеводы тех лет «стороже», наблюдавшей в заречье за Диким полем: «На одном месте два раза кашу не варить, где обедал – не ужинать, где ужинал – не ночевать!»

Укрепление государства и крепость Белгородской черты остудили пыл крымцев ходить за добычей. Муравским шляхом («посуху») стали ездить на юг и обратно купцы и посольства.

Что сегодня осталось от знаменитого шляха? Практически ничего. Нет и Дикого поля. Исчезла тысячелетняя травяная степь. Исчезли в степи тарпаны, дрофы, стрепеты, редко видишь сурка, немного на этом огромном пространстве орлов. Распахана степь. Под плугом исчез и тысячелетиями утоптаный конскими копытами шлях. О его существовании напоминают лишь названья старинных селений, по которым шлях проходил, а «дикая земля»

осталась только на склонах и окраинах древних балок. Лишь очень редко тут можно увидеть перышко ковыля, чаще видишь только полынь, жесткую, скусанную овцами траву, кусты шиповника да колючки с малиновыми цветами – татарник.

- **Фото В. Пескова и из архива автора. 29 ноября 2002 г.**

Северяне

Окно в природу

На земле только материковая Антарктида (исключая прибрежную зону) безжизненна, все остальные места могут быть кое-где безлюдными, но разные формы жизни в них все-таки существуют. К таким местам относится север планеты – Арктика.

В летнюю пору жизнь на Севере замешана густо за счет мигрантов. Среди них главные – птицы. Долгие, почти бесконечные летние дни, сияние солнца, обилие пищи и безопасность гнездовых влекут сюда с юга караваны гусей, лебедей, куликов, уток. Но быстро кончается лето, и вот уже надо в обратный путь. Часть птиц улетает в места «курортные», теплые, другим довольно незамерзающих вод. Далее всех улетают из Арктики не очень приметные полярные крачки, преодолевая до Антарктиды многие тысячи километров.

В лесотундру с Крайнего Севера откочевывают олени, лисы, волки, росомахи. Это коренные северяне, но в голой тундре и на ледяном побережье выжить они не могут – отодвигаются на границу лесов, где легче кормиться, где морозный холод не возрастает с ветром. А из лесов Севера в среднюю полосу прилетают снегири, свиристели... Словом, к началу зимы Крайний Север пустеет. Но жизнь тут все же не замирает.

Самые неприметные из коренных северян – пестрые мыши лемминги. Они являются главными потребителями скудной тут растительной пищи и, в свою очередь, служат основной пищей множеству северян: волкам, лисам, песцам, медведям, хищным птицам. Даже вегетарианцы – олени и зайцы – едят леммингов. Есть лемминги – все на Севере благоденствуют. Резко уменьшилось их число – спасаются кто как может. В первую очередь резко падает плодовитость у всех мышеедов. И все начинают искать корма!

Прилежные северянки – полярные совы – с насиженных мест улетают на юг так далеко, что их можно вдруг встретить в средних широтах. В 1943 году, пробегая на лыжах по саду (Воронежская область), я вдруг увидел небывалое белое чудо. Сова подпустила меня метров на десять, изучая желтыми внимательными глазами. Много позже узнал, это была северная сова. («Снежная бабушка» зовут ее в Арктике.) Миграция сов на юг означает, что число леммингов на их родине в тот год резко упало. Быстро размножающиеся грызуны через каждые четыре-пять лет достигают предельной численности и потом от бескормицы и болезней гибнут, либо «движутся в никуда». Но численность их на следующий год начинает расти. Этому ритму следует маятник всей жизни Севера.

Сами полярные мыши суровую зиму выдержать не могли бы, если б не запасались едой впрок. Под снежным одеялом тундры живут они припеваючи, достигая в пик численности трех сотен на гектаре земли.

А самый крупный из северян – белый медведь – ищет зимою прибежище не на юге, а на севере, во льдах океана. Самки, правда, ложатся в берлоги, но не впадают в полумертвую спячку, а просто спят или дремлют. Самцы же этих самых крупных хищников на земле зимой бродяжничают у побережья Ледовитого океана, находят тут чем-нибудь поживиться, пируют, например, у туши выброшенного водою кита. Но главная их добыча – во льдах.

Белый медведь – потомок медведя бурого, приспособившийся жить не на суше, а возле воды или на ней – среди льдов. Он великолепный ходок, но хорошо также плавает и ныряет. Все идет ему в пищу – ягоды, травы и лемминги. На берегу трупы китов, рыба, водоросли, но главное, на чем держатся эти звери зимою, – тюлени. У медведей нет конкурентов на эту добычу, она словно бы для них только и предназначена. Ловят тюленей медведи у трещин, во льдах, подкрадываясь к добыче вплотную для двух-трех прыжков. (Уверяют, что звери при

этом для маскировки прикрывают лапой черный свой нос.) Тюлени у трещин собираются подышать. Но если их нет, эти звери делают во льду «продухи» – глотнуть воздуха. Медведь примечает такие места и может ждать появления тюленя много часов, чтобы в нужный момент ударом лапы выбросить жертву на лед.

Самая бедствующая братия на Крайнем Севере – песцы. Скучная жизнь приучила их быть нахальными и предприимчивыми. Благоденствуя летом (лемминги, птичьи яйца, птенцы), песцы в это время выглядят невзрачно – бурые, нахальные до предела собаки. (У меня почти из-под ног песец утянул фотографическую сумку и сжевал наплечный ремень.) Зимой песец бедствует, но выглядит сказочно нарядным. Белая с голубизной шкурка делает его желанной добычей охотников. Ради песцовых шкурок живут они на побережье в продуваемых ледяными ветрами избушках.

Еще один «привязанный» к Северу житель – овцебык. Считают, когда-то он обитал по всему побережью Ледовитого океана, но был истреблен, и сейчас его с канадского побережья расселяют на Аляске и у нас на Таймыре и острове Врангеля. Трудно себе представить более кроткое и нетребовательное к условиям жизни существо. Живут овцебыки там, где, казалось бы, жить уже никак невозможно: мороз, ледяной ветер и не видно ничего, что можно «на зуб положить». Но вот ветер сдул со склона холма снежок, обнаружилась щетинка редкой, сухой травы – овцебыкам этого и довольно. Пасутся они, объединяясь в группы по три, по пять, до сотни голов. Для человека овцебыки – добыча легкая, но против волков природа научила быков надежно обороняться: становятся в круг (мальши в середине его) и выставляют навстречу волкам причудливо изогнутые и острые, как пики, рога. Полярные волки силу оружия этого знают. Из Канады переселенным овцебыкам удается при близости этих хищников выживать, множиться.

Назовем еще одного северянина – гренландского кита. Несколько видов морских великанов издалека летом приплывают на север кормиться. (Ледовитый океан очень богат всякой живностью.) Но к зиме киты, подобно птицам, спешат на юг в теплые воды. И только гренландский кит северу не изменяет, живет, правда, там, где льды не препятствуют ему всплыть – подышать.

Есть и еще один северный феномен – рыба даллия, живущая в условиях, казалось бы, несовместимых с жизнью. Пишут, даллия – родня лососевым рыбам, но обликом похожа больше на ставшего многим знакомым теперь ротана – такой же страшновато-темный цвет, такие же примерно размеры и та же выносливость – полсуток при холоде может обходиться без кислорода, выживает при вмерзании в лед. Об этом уникале мне, помню, рассказывал знаток Севера Савва Михайлович Успенский – «ищи ее на Чукотке». Но я увидел даллию на Аляске. Вкусом неважная – эскимосы кормят рыбой этой собак, а для ученых живучесть даллии – большая загадка.

Все животные в крайне стесненных условиях бытия к условиям этим каким-нибудь образом приспособились. На Севере, чтобы выжить, надо в первую очередь «тепло одеваться». Белый медведь такую одежду имеет. Кроме того, от холода он защищен еще жиром. А подошвы лап у него, дабы не примерзали ко льду, покрыты волосом. Овцебыки морозостойкие благодаря исключительно теплomu меху (жесткие волосы сверху, а глубже – плотная длинная шерсть). У северных оленей меховой покров иной. В нем каждый волосок имеет внутри канал. Мех на теле оленя образует теплостойкую воздушную подушку. А ноги тундрных куропаток покрыты перьями – кажется, птицы ходят по снегу в валенках. И все живущие на Севере с рождения теплостойки. У оленей теленок из чрева матери, случается, попадает сразу на снег – и ничего, выживает.

Этих северных «попугаев» зовут тупиками. Живут они у непокрытого льдом Тихого океана. Превосходные рыболовы – птенцам приносят сразу несколько рыбок. Удерживать их в клювах, похожих на топорики, помогает нечто вроде крючков.

Цветом обитатели Севера тоже приспособлены к окружающей обстановке. Медведь – белый (точнее, кремовый или чуть желтоватый), куропатки непременно к зиме линяют и становятся белоснежными. На нашем Севере и на Аляске я видел тундряных куропаток зимой и летом. Летом их оперенье сливается с пестротой тундры. А зимой, вспоминая, приземляясь на маленьком самолете в индейском селении, мы увидели кусты, покрытые хлопьями снега. Когда самолет остановился, «хлопья» все разом взлетели и растворились в кисее тихого снегопада. Надо ли куропаткам менять камуфляж? Непременно! На Севере и зимой остается жить самый крупный из соколов – кречет. И куропатки – основная (часто единственная) его добыча зимой. И волки на Севере дымчато-белые, и песцы тоже, и зайцы даже летом белый цвет не меняют. Есть у местных зайцев одна особенность: становятся столбиком – оглядеться. Мало того, на двух ногах они приспособились даже бегать.

Такие они, северяне.

• Фото из архива В. Пескова. 13 декабря 2002 г.

Коза-дереза

Окно в природу

Восточный календарь побуждает нас вспоминать о разных животных. В этот раз – коза...

Коз в сельском нашем дворе я помню лучше, чем корову. Козы появились в селе перед войной (коров стало трудно держать), и как-то сразу нарекли их презрительно «сталинскими коровами». Однако насмешка долго не прожила. Грянула война, и неприхотливые, проказливые существа оказались для очень многих спасительными. Наша семья – мама и четверо ребятишек – выжила благодаря огороду и двум козам. Две козы – это пять литров превосходного, без преувеличения, целебного молока. Позже я узнал, что до времен антибиотиков туберкулез в Швейцарии лечили горным воздухом и козьим молоком. А в Подмосковье я встретил человека, пасшего коз. «Мои спасители! С болезнью кишечника приговорили лет десять назад к операции. Но хирург-старичок за два дня до нее мне сказал: «Риск большой. Я бы советовал вам отказаться, а завести коз. Они вас спасут». И вот, как видите, живу-здравствую». Поучительна также история с таежниками Лыковыми, о которой стоит сказать особо.

Коза знакомится с обстановкой, а Агафья присматривается к козе.

А во время войны, не ведая о целительных свойствах козьего молока, мы просто радовались, что оно было. И не так уж много хлопот доставляла малорослая скотина – на зиму козам хватало сена, заготовленного на межах, канавах и пустошах.

Забавляли повадки коз. По сугробам залезали они на сарай, с сарая прыгали на крышу избы и, были случаи, как бы красуясь, забирались на трубу. Это выдает горное происхождение коз. Старанье занять какую-нибудь высоту неистребимо у коз. У меня есть снимок проказницы, прыгнувшей на спину быка, или вот фотография: козы стоят на ветках дерева. А вот на севере Индии в бродячем ярмарочном цирке я видел поразительный номер «Козел-канатоходец». Белый, похожий на бородатого апостола акробат уверенно шел по канату, натянутому между невысоких столбов. Мало того, что он не оступился, в конце дистанции жестом руки дрессировщик заставил козла на канате обернуться и пойти назад. Сидевшие прямо на земле босоногие зрители хорошо понимали, как сложен номер, от восторга они визжали и хлопали друг друга по спинам. Козлу же в награду достался пучок травы.

Характер у коз независимый и игривый. Обидчика они могут исподтишка боднуть в зад, а могут пойти в лобовую атаку. Особо это любят делать козлы. Бывая у Лыковых, я не однажды удостаивался такой чести, хотя только что перед этим кормил хулигана с руки. Как многие другие животные, козы любят табак. Хорошо помню, с каким наслаждением наша Катька жевала окурки от «козьих ножек» соседского деда.

Целая страница жизни таежников Лыковых связана с козами. Двадцать лет назад во время первых знакомств глава семейства Карп Осипович пожаловался, что все в семье «страдали животами». (У всех от грубой пищи болели кишечники, старший из сыновей, Савин, умер от открывшегося кровотечения.) Я сказал, что всем могло бы помочь молоко. «Да где ж есть взять...» – сказал старик. «А если завести коз...» И я увидел, что это заинтересовало и дочь, и отца. Следующий раз я привез им двух иманух (коз по-сибирскому). Агафья видела эту живность впервые, и надо было научиться козу доить. Процесс этот не могу вспоминать без улыбки. Старик держал козу за рога. Агафья с кастрюлей сидела у вымени, я же, в детстве доивший коз, руководил операцией. Стакана два молока надоили. И помаленьку дело пошло...

За восемнадцать лет козы тут менялись несколько раз. Некоторых я привозил, других присылал Агафье в подарок. Молоко не просто нравилось Лыковым, оно, как и следовало ожидать, оказалось целебным. У Агафьи много разных болезней, но на живот жаловаться она перестала. Научилась Агафья сквашивать молоко, делать творог и сушить его впрок. Сам процесс «скотоводства» доставляет ей удовольствие – нянчит козлят, водит коз кормиться, лечит. (Козел, правда, от попыток врачевать его таблетками протянул ноги.) Главная забота «в молочном животноводстве», как и везде, – корма. Сена козам надо немного, но тут, в горах, запастись его особенно трудно, к тому же летом за ограду «усадыбы» скотину не выпустишь – близко медведи. Когда вертолеты в этом краю бывали относительно часто, летчики при возможности прихватывали тюк-другой сена. Сейчас это немыслимо, и козы живут главным образом на веточных вениках. Заготавливать их на зиму – дело хлопотное, но Агафья ни разу не заикнулась даже бросить «животноводство» – молоко!

Козы, попадая в тайгу, ведут себя довольно спокойно – спустившись по лестнице из вертолета, сразу же начинают искать, где что-нибудь можно щипнуть, и Агафья, обо всем позабыв, тут же, рядом.

В мире, пишут, сейчас около 400 миллионов домашних коз. (Больше всего, кажется, в Турции – 60 миллионов!) Но при явной и большой пользе чрезмерное их количество в некоторых местах приносит немалый вред. Козы не только съедают молодые побеги зелени, они объедают деревья, грызут землю, добираясь до корней и семян. Оголенная почва подвергается коррозии. «Там, где долго пасутся большие стада коз, леса умирают, всякая растительность исчезает с лица земли, на цветущий край наступает пустыня. Козы съедают дочиства леса Северной Африки, юга Испании, Турции, Сирии, Ливана, Палестины и других стран, где зелень из-за засух особенно уязвима. Гибель лесов, куда были допущены козы, – одна из печальных страниц в истории цивилизации.

Комментарии вряд ли нужны...

Лет сорок назад была принята Всемирная программа борьбы с засильем коз. На Кипре, в Венесуэле и Новой Зеландии с «рогатой саранчой» боролись под лозунгом: «Даже одна-единственная коза, оставшаяся на свободе, представляет национальную опасность!» Результаты такой решительности дали нужные результаты – оголенные почвы снова зазеленели. Но в других местах козы продолжают опустынивать землю.

Нашим лесам угрожают, конечно, не козы. И тем, кому не под силу держать корову, можно посоветовать завести парочку коз. Их молоко не просто прекрасный продукт питания, этот продукт, подобно меду, целебный.

• **Фото В. Пескова и из архива автора. 27 декабря 2002 г.**

2003

КАК 150 ГЕНЕРАЛОВ ИЗБЕЖАЛИ ТЮРЬМЫ: **6** **65-ЛЕТНИЙ МЯГКОВ: ИДИТЕ В БАНЮ!** **20** ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ: ТИРАЖНЫЕ ТАБЛИЦЫ • РЕЗУЛЬТАТЫ РОЗЫГРЫШЕЙ

ШАР УДАЧИ Автомобиль АВТОВАЗ

Рекомендуемая цена в Москве - 4 рубля

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Основана в 1925 г. **Московский выпуск** Вторник, 8 июля

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТИРАЖ
27
МЛН КОПИЙ
в Москве и области
и России и СНГ
№ 121 (23066) 2003 г.

Главный вопрос после теракта в Тушине:

КАК РАСПОЗНАТЬ ШАХИДКУ В ТОЛПЕ?

Заказчики терактов разрешают смертницам пользоваться макияжем, не носить темные платки и длинные юбки

Элихаджиева
Зулжан Сулеймановна
жен. 29.08.1983
с Курманой
Чеченской Республики

На террористке Зулжан Элихаджиевой в тот день были бриджи и светлая рубашка.

Тушино, 5 июля. Террористки ничем не выделялись среди тысяч молодых людей.

2

КОРПОРАТИВНЫЕ И ОФИСНЫЕ СИСТЕМЫ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

ATC

ТЕЛЕФОН
ВАЙФОН
И ДР.

 200-6350
863-9603
234-0300
214-5758

МОСКВА, ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СВЯЗИ 125 000
www.atc.ru

Сейчас они спят

Окно в природу

Слово «сурок» известно всем, и связано оно почти всегда с представлением о сне – «спит, как сурок». Действительно, этот грызун, похожий слегка на белку, слегка на бобра, спит долго – полгода! Иначе говоря, половину жизни он спит, точнее сказать, проводит в спячке, особом состоянии, когда жизнь в организме чуть теплится. Это все происходит зимой. Прибавим сюда же обычный сон летом, и выходит, сурки мало что видят в жизни.

Но так уж распорядилась природа. Сурков на земле четырнадцать видов. Прародина их – Америка. Многие животные (как и люди) по суше, некогда соединявшей Азию и Америку, перебрались в Новый Свет, сурки же двигались в обратную сторону. Полагают, что прародитель у всех сурков общий. Обособившись в разных географических зонах и сохранив внешнее сходство (а также необходимость зимою спать), поведением они несколько различаются, хотя и тут немало у них одинакового – вегетарианцы, живут в норах, тепло одеты, почти всегда обитают колониями. Выделяются сурки равнинные (байбаки) и горные, живущие в особо трудных условиях, на границе альпийских лугов, куда летнее тепло приходит поздно, а зима является рано. Что делать? Спешно накопить жир и на боковую!

Сурков на земле четырнадцать видов.

Лет восемь назад на Камчатке я участвовал в переселении сурков в местечко, где они когда-то водились. Зверьков, благополучно переживших зиму в неволе, на вертолете в ящиках отвезли в нужное место. Выпускали их на огороженную сетью площадку, чтобы сразу не разбежались – мы могли бы их снять и как следует разглядеть. Сурки не метались, не суетились, ощутив некоторую свободу, они, стоя столбиком, осваивались, посвистывали, а когда сеть убрали, мгновенно попрятались меж камнями, а некоторые немедленно начали зарываться в землю.

Сурчиная колония всегда заметна – горки земли рядом с норами и протоптанные тропинки, по которым грызуны ходят кормиться и кубарем катятся в норы, если видят опасность.

Подойти незаметным к суркам невозможно. Прекрасные слух и зрение помогают им заметить любое движение. И кто бы ни заметил – свистит. Все сразу же настораживаются, и, если опасность нарастает, – немедленно в норы! При играх, однако, опасность можно и проморгать, поэтому в каждой колонии есть часовая. С возвышения он наблюдает за всем, что вокруг происходит, и почти всегда первым видит опасность. Свистит он по-разному. Самый тревожный и сильный свист означает: «Орел!!!» И тут – ни размышлений, ни промедлений, все катятся в норы. Кто не успел, попадает в когтистые лапы – нежным сурчиным мясом орлы кормят птенцов и падают на колонию сверху, как метеоры. Эту неизбежную дань сурки платили орлам всегда и будут платить до окончания веков. И волку иногда удается прищучить жирного землекопа. Зверь с ночи прячется где-нибудь рядом с колонией и ждет, когда какой-нибудь поглотитель травы утречком зазеважется. Большое искушение отведать сурчагины испытывают молодые, неопытные медведи. Этим изловить сурка трудно, но есть силы – раскопать нору. «Перелопатив» несколько кубометров земли и не достигнув цели, медведь «нерентабельной» охотой на сурков уже не соблазняется.

Человек – главный враг обладателей теплых шуб, жира и вкусного мяса. Там, куда добираются люди, сурки исчезают. Переселенье зверьков из других мест и охрана помогают суркам выживать, но как только запрет на охоту снимают – сурки опять исчезают, ибо ничего нет проще, затаившись с ночи, разрядить ружье не в крупную, но близкую цель.

Истари охотились на сурков и с ловушками. Причем для охотника Юго-Восточной Сибири это был «подножный корм». Сняв с сурка шкуру и вынув внутренности, охотник клал в утробу ему раскаленные на костре камни и помещал тушку в сумку за седлом. Через пару часов он садился за сытный обед.

В сообществах сурки живут семьями. В норе рождаются два – четыре беспомощных детеныша. Месяц малыши кормятся молоком, а потом робко, под материнским надзором, выползают на травку. Знания опасностей жизни у них врожденные – начинают свистеть, как только видят что-нибудь необычное.

Через год в семье появляется еще один приплод. Подрастающих малышей старшие братья и сестры помогают родителям нянчить. Две зимы и два лета каждый приплод живет со «стариками», затем родителей покидает.

Корм у всей братии – главным образом травы. Сурки хорошо различают их вкус и питательность – поедают в первую очередь самые аппетитные верхушки растений и всем другим травам предпочитают бобовые. Едят два раза в день – утром и на ночь, но, что называется, до отвала – примерно полкилограмма еды на брата. Пьют сурки мало, довольствуясь соком растений и росой по утрам. Но если есть возможность добраться к воде, то пьют охотно, громко чавкая и подымая голову кверху, как это делают куры и гуси.

В целом жизнь колонии спокойна, размеренна, упорядочена. Характер каждого из сурков покладистый. В неволе их трудно вырастить, но выжившие привязываются к своему покровителю, отличают его от других, трутся боком о его ноги (то же самое они делают и в природе, ласкаясь к матери). В Средние века подростки в Европе с ручными сурками потешали людей на ярмарках, побуждая сурков стоять столбиком, приседать, неуклюже лазать по наклоненной ноге. (Песенка «И мой сурок со мной...» – из тех времен.)

Сурок наряден. Мягкий подшерсток хранит тепло, а длинные остья меха у некоторых видов имеют своеобразную окраску – каждый волосок по длине окрашен ступенчато в черный, рыжий, опять черный и бежевый цвета. Мех сурка переливается всеми тонами красок в зависимости от того, как он стоит и освещен солнцем.

О самом главном – о сне травоедов. Длительность спячки – эволюционное приспособление пережить зимнюю бескормицу и холода. Зимой спят немало животных. Но, например, у медведей и барсуков это всего лишь сон. В теплую зиму медведь спит вполглаза и при опасности покидает берлогу. А вот ежи, сурки и так называемые земляные белки впадают в оцепененье, когда жизнь в их теле лишь теплится.

Летние норы сурков многочисленны (чтобы успеть в какую-нибудь заскочить), но неглубокие. Нора же зимняя глубока. В нее осенью усиленно носят постель – с охалку подсушенной и промятой в лапах травы. Забираясь в нору в конце сентября – октябре, сурчиная семья заделывает вход травой и землей и размещается в обширной спальне, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сберечь тепло. В нору сурки уходят с большими запасами жира. Но во время спячки расходуется он экономно – жизненные процессы в их организме снижены до предела. Температура тела с 36 градусов падает до 8 – 10 и бывает лишь на два градуса выше, чем в спальне. Дыханье с 16 вдохов сокращается до двух-трех в минуту, частота сердечных пульсаций с 220 до 30 (в семь раз!).

Последние исследования показывают: раз в три недели сурки в норе просыпаются на двенадцать – двадцать часов. Видимо, это необходимо для стабилизации жизненных процессов в организме. В это время расход энергетических ресурсов большой. И все-таки наружу в апреле проснувшиеся сурки появляются отнюдь не тощими. Запасы их жира (до 90 процентов) расходуются в первые три недели житья, пока не подросла зимняя трава. И все пережившие зиму возвращаются на круг полноценной жизни под солнцем – едят, играют, следят за опасностями. Если житейские беды сурка минуют, живет он долго – до двадцати лет.

• Фото из архива В. Пескова. 4 января 2003 г.

Сонька-болтуня

Окно в природу

Ее увидишь под пологом леса.

«Сонька-болтуня» – так называл эту птицу мой друг, охотник-волчатник Василий Александрович Анохин. Речь идет о сойке, птице, всем хорошо известной. «Ее сначала слышишь, а потом уже видишь», – говорил все тот же волчатник. Сама же сойка сначала что-нибудь видит и тут же издает свой жесткий и хриповатый, роднящий ее с сорокою крик: «То-хар!» От этого крика тревоги «ушки на макушке» сразу у всего леса.

Нетрудно сойку увидеть. В полете она неуклюжа и неуверенна. Широкие крылья-лопаты машут почем зря, «видно птицу по полету» (опять слова Василия Александровича), и она всегда спешит укрыться в кронах деревьев. Осторожна, но иногда ее можно увидеть с близкого расстояния. Зимой сидит шаром, вобрав голову в перья и прикрыв перьями ноги. Летом, воровато озираясь, что-нибудь ищет, разглядывает – улетит сразу, как только заметит, что за ней наблюдают.

Очень красива. Буровато-красное оперение тела. Хвост и перья – черное с белым. И на крыльях еще, как опознавательный знак, сине-черная рябь. Глаза большие. И клюв, с черными пятнами «кусов» по сторонам, большой, подтверждающий родство сойки с воронами и сороками. Но в целом птица невелика – с галку. В особых случаях сойка топорщит на голове перья. Этот хохолок – тоже отличительный ее знак.

Сойка – птица очень распространенная. Я видел ее во Франции, в Швеции, обычна она в подмосковных лесах, на Урале, на Дальнем Востоке. Во Вьетнаме на согнутом стебле бамбука вижу знакомую птицу. Сойка! В прошлом году в горах у Агафьи Лыковой на реке Еринат гляжу, кто-то спешно глотает рыбки потроха на камнях у воды. Сойка! Рыбу только что чистили. Но сойка, видимо, знала: после этого процесса кое-что вкусное у воды остается.

Распространенность соек объясняется их выносливостью – терпимостью к холодам и жаре, но, главное, их всеядностью. Сойка, как и ворона, везде найдет пропитанье – схватит жука, кузнечика, найдет личинку под корой дерева, поймает мышь, молодых ужака и гадюку, ящерицу. Из растительной пищи ест сойка бруснику, чернику, терн, груши, горох, кукурузу, но главный объект ее пищевых интересов – желуди, орехи-лещина, орешки буковые и кедровые. Особенная любовь этой птицы – желуди, в дубовых лесах ее чаще всего и встретишь. Желуди твердые. Срывая их прямо с дерева, сойка носит добычу в зобу и в подъязычном мешке. Размягчив плод, она очищает его от жесткой рубашки и старательно размельчает мощным «вороньим» клювом – каша из желудей любимая ее пища не только осенью, но и дальше – весной и летом. Сойка – великий мастер делать заготовки. Отборные желуди, озираясь, она прячет в земле где-нибудь у пучка трав, у лежащего сучка, камешка. По этим приметам сойка знает, где надо искать захоронку, и находит ее даже под слоем снега. Каждая птица прячет по несколько тысяч желудей, причем каждый в отдельном месте. И поскольку не все свои клады она посещает, то таким образом способствует расселению дубов. Где-нибудь в стороне от дубравы вдруг видишь крепкий, в полметра росток. Это бессознательная работа сойки. Спасибо ей! – говорят лесоводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.